

— • — ПРИХОД — • —

СРЕ-
ТВО-
НИЕ

НАВИГАТОР

Сретение. Встречайте номер с самым «толстым» разделом «Мнения», да и поговорить-то есть о чем. С конца прошлого года нас накрыла волна обвинений священников и даже высшего духовенства во всяких непристойностях, поэтому не помешает вернуться к самим истокам священства. Лучший способ это сделать — перечитать главу из правдивой и глубокой книги игумена Петра Мещеринова «Жизнь в Церкви». Причем, тема священства и духовного наставничества продолжается в нашем «Лектории» в самой середине газеты. «Взгляд со стороны» на этот раз немного пугает, но задумайтесь: эти слова говорит очень мудрый и опытный человек, настоящий философ. Без «Скандала» не смогли обойтись, почитайте рассудительную и крепкую вещь Дмитрия Ольшанского по поводу разоблачений Андрея Кураева. Историческая рубрика возвращает нас на столетие назад благодаря машине времени имени отца Георгия Митрофанова.

В «Новом Завете» вслушайтесь в прекрасное, глубокое и, вместе с тем, доступное для разумения слово на очень сложное место Писания. Архимандрит Ианнуарий Ивлиев балует нас своим живым научным даром. Все же благодаря Божией творческой силе в Церкви не иссякают

люди, носители живой традиции жизни по Духу Христову, Который вчера, сегодня, завтра и всегда Тот же.

«Из-за бугра» на нас в феврале смотрит суровый взгляд ученого Павла Мейендорфа, утомленного борьбой за единство православия в Америке. Свежие вести с полей сражений можно узнать из его интервью. Святые месяца — Максим Грек и Григорий Богослов, люди с очень непростой судьбой при жизни. Да и обещал ли нам Спаситель простоты? В «Библиотеке» потрясающе глубокое и тонкое исследование Гилберта Честертона на тему гордыни. Книги этого писателя должны быть на вашей полке, и конечно, не только детективы.

«Культура» окунает нас в сложный мир непримиримого человека через поэзию Геннадия Русакова. Наш пробный шар — рубрику «Опыты» — открывает рассказ Сергея Пушкарева. Он несколько фантастичен и настолько невероятен, что в эту историю просто хочется безоговорочно верить. Родной для нас город Электроугли раскрывает еще одну тайну о себе, судьбу война и наставника Константина Забродина. На последних страницах Юрий Лунин очень точно передает хрупкий и трогательный мир детских переживаний в ожидании чего-то большего.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О главном</i>	7
<i>Взгляд со стороны</i>	25
<i>Скандал</i>	30
<i>Реакция</i>	38
<i>История</i>	41
<i>Апостол</i>	59
<i>Лекторий</i>	66
<i>Календарь</i>	82
<i>Взгляд из-за бугра</i>	92
<i>Святые</i>	98
<i>Библиотека</i>	104
<i>Под светом слова</i>	114
<i>Опыты</i>	122
<i>Электроугли</i>	126
<i>Шалаш</i>	136
<i>Вместо послесловия</i>	141

МНЕНИЯ

О ГЛАВНОМ

Скандалы последних месяцев вводят в сильное смущение. Кажется, пошатнулись сами основы нашего общинного существования. Как, зачем и в каких случаях можно доверять священникам? Попробуем разобраться, взяв в соратники мудрого проводника.

Фрагмент из книги игумена Петра Мещеринова «Жизнь в Церкви»

Таинство Священства в Православной Церкви занимает особое место, потому что им, во-первых, сохраняется апостольское преемство, а во-вторых, Священством открывается дверь к другим Таинствам. По церковному чину Таинства могут совершать не все христиане (кроме, в экстренных случаях, Крещения), а только особо уполномоченные на то Церковью; и полномочие это, благодать совершать Таинства, как раз и сообщается избранным на то христианам в Таинстве Священства; не будь его — не было бы и других Таинств.

Появление Священства восходит еще к Ветхому Завету, где Бог

через Моисея установил трехступенчатую иерархию служения: первосвященник, священники и левиты. Их задачей было совершать храмовое богослужение и от лица народа приносить Богу разнообразные жертвы. То, что Ветхий Завет прообразовывал в виде грубого, внешнего и вещественного, в Новом Завете приобрело духовный, подлинный и всеобъемлющий смысл: уже не кровь козлов и тельцов, но драгоценная Кровь Христа Спасителя составляет предмет духовного жертвоприношения Церкви; не только храмовое Богослужение — сфера действия священства, но и все без исключения стороны человеческой жизни освящаются в христианской Церкви пастырями ее.

Вот некоторые тексты Нового Завета, указывающие на установление этого Таинства. Господь Иисус Христос «позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставив из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов» (Мк. 3:13–15). Здесь речь идет о некоем особом поставлении для проповеди и дарования исцелений. Когда апостол Петр исповедал Господа Христом, Сыном Бога Живаго, Господь в ответ сказал ему: «и Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:18–19); это же обетование Господь подтвердил и другим апостолам (ср. Мф. 18:18). От того момента апостолы получили власть вязать и решать, т.е. строить и хранить Церковь. На Тайной Вечери, установив Таинство святого Причащения, Господь повелел апостолам: «сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19). По воскресении Христос, явившись ученикам, заповедал им: «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите

Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся (Ин. 20:21–23)... Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20).

Итак, мы видим, что Господь дал Своим апостолам власть совершать Таинства, учить и проповедовать о Христе, строить и хранить Церковь, — и это не просто в качестве чего-то общего всем христианам, но именно как некое особое служение; а ко всем христианам относятся слова Христа, сказанные апостолам: «слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается» (Лк. 10:16). Облекшись духовною силою на это особое служение в день Пятидесятницы, исполнившись благодати излившегося на них Святого Духа (ср. Деян. 2:1–4), апостолы протерли свою проповедь даже до края земли (Деян. 1:8). Проповедь эта заключалась не только в учении о Христе, но главным образом в устройении поместных Церквей; и с самого начала бытия церковных общин священство получило ту форму, которая существует и поныне, а именно: преемниками себя апостолы ставили епископов, им помогали пресвитеры, т.е. священники; низшим, служебным чином были диаконы. Само Таинство совершалось через рукоположение. При избрании диаконов их поставили перед апостолами, и сии, помолвившись, возложили на них руки (Деян. 6:6). Проходя Листру, Иконию и Антиохию, апостолы рукоположили им пресвитеров к каждой церкви (Деян. 14:22–23).

При дальнейшем развитии церковной жизни христианское священство стало восприниматься законным преемником трехчинной ветхозаветной иерархии: первосвященникам соответствовали епископы, священникам — пресвитеры, служителям левитам — диаконы. Но задачи стоят перед новозаветным священством уже совсем иные,

нежели в Ветхом Завете. Там священство было прежде всего сакральным служением; в Новом Завете сакральность (понимаемая как возможность и право приближаться к Богу в молитве и в служении) перешла из внешне религиозного во внутренне духовный план жизни и стала достоянием всякого христианина: «вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2:9), — говорит апостол Петр всем христианам без какого бы то ни было различия между ними. Несомненно, что совершение Таинств осталось действием сакральным; но по учению Церкви сакральность эта принадлежит не священнику как человеку, а является, как мы уже сказали, уполномочиванием Церкви. Таинства совершает не священник, а Сам Христос; и одна из главных «функций» Церкви состоит как раз в том, что она эту благодать Христову посредством Таинства Священства доносит до каждого человека, где бы и когда бы он ни жил. Не менее важной задачей священства, чем домостроительство таин Божиих (1 Кор. 4:1), в Новом Завете становится пастырство. Апостол Павел, обращаясь к своим преемникам, заповедует: «внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян. 20:28). О пастырстве мы подробно будем говорить ниже, а теперь рассмотрим катехизическое определение Таинства.

Священство есть Таинство, в котором избранному на определенную степень церковной иерархии христианину преподается благодать Святого Духа, облакающая его духовною властью совершать Таинства, учить верующих догматам Христовой веры и руководить их в исполнении нравственного христианского закона, т.е. в жизни по заповедям Божиим. Разберем это определение.

1) «Избранному христианину». Раньше, в первые века, клирики выбирались народом церковным, с последующим утверждением этого выбора епископом; а если избирался епископ, то его избрание утверждалось высшей церковной властью. В наше время ситуация хотя и изменилась — клирики назначаются церковным начальством без учета пожеланий паствы, но в любом случае элемент выбора остается: рукополагают все же не всех подряд. Смысл здесь тот, что к священству представляются (должно представляться) лучшие христиане, более опытные, ревностные и более подготовленные, чем прочие.

2) Об «определенной степени церковной иерархии» мы уже начали говорить выше: это трехчинная иерархия — епископ, священник и диакон. Епископ, или архиерей, есть преемник апостолов, носитель апостольской благодати; он совершает все без исключения Таинства, несет перед Богом полную ответственность за состояние вверенной ему паствы; епископ должен в полноте преподавать людям Евангельское учение, быть образцом христианской нравственности и учителем ее. Обязанности епископа прописаны в Пастырских посланиях апостола Павла. Епископ возглавляет Церковь данной местности и управляет всеми сторонами ее жизни, как духовной, так и административно-хозяйственной. Без воли епископа во вверенной ему Церкви (епархии) ничего совершаться не должно. Епископа рукополагают несколько епископов, ибо все они по благодати равны, и, следовательно, т.к. меньший всегда рукополагается большим, епископ не может произвести равного себе; поэтому для епископской хиротонии нужен собор епископов. В Православной Церкви с середины I тысячелетия принято безбрачие епископов, а в Русской Церкви — и обязательное монашество (хотя в Древней Церкви так не было, а монашеские обеты в некоторых случаях могут противоречить пастырскому служению). В зависимости

от занимаемой кафедры или от положения в Церкви епископ может носить титул архиепископа, митрополита и патриарха; титул этот является свидетельством чести, но к собственно епископской благодати не прибавляет ничего.

Пресвитер, или священник (по-гречески «иерей») — вторая степень священства. Священник есть помощник епископа, во всем зависит от него, и действует в Церкви только по благословению и с ведома своего архиерея. Священнику дана власть совершать все Таинства, кроме Таинства Священства. У священника более ограниченные права в области учительской и канонической: священник, без особого архиерейского благословения не имеет права учить и действовать вне своего прихода; также есть ряд канонических вопросов, которые решает только архиерей (например, разводы). Священник — наиболее близкое лицо из клира к мирянам: епископ один на всю епархию, на некоторых приходах он может даже и никогда и не побывать. Поэтому священник должен быть ближайшим повседневным образцом христианской духовности и нравственности и обязан учить и назирать общину, предстоятелем которой он является, в вере и благочестии. Священство (и диаконство) в Православной Церкви может быть женатым (в отличие от Римо-Католической Церкви), одним, первым браком, заключенным до хиротонии. Священника рукополагает епископ. В зависимости от должности и положения священники могут носить титул протоиерея и протопресвитера; в монашестве — игумена, архимандрита.

Диакон — третья, низшая степень священства. Диакон не имеет власти совершать Таинства; его задача — помогать епископам и священникам во всех областях церковной жизни. В настоящее время роль диакона сведена лишь к богослужению, иногда — к проповеди или наставлению в вере, например, в воскресной школе; раньше же

круг обязанностей диаконов был гораздо более широким: в их задачу входило пещись о столах (Деян. 6:2), т.е. иметь попечение о материальной стороне жизни Церкви; они посещали больных и преподавали им Св. Дары и проч. Сейчас диакон (если он не обладает громоподобным голосом и вследствие этого является, по мнению церковного начальства, «украшением богослужения») рассматривается чаще всего как кандидат в священники. Диаконы тоже имеют свои наградные титулы: протодиакона и — для монашествующих — архидиакона. Диакона, так же как и священника, рукополагает архиерей.

3) О том, как преподается благодать Святого Духа, мы уже сказали: через рукоположение. Совершение Таинства происходит за Божественной Литургией.

4) Наконец, нужно сказать о власти совершать Таинства, обучать верующих истинам веры и руководить их в жизни по заповедям Христовым. Строго говоря, если понимать «власть» в обычном человеческом смысле, то власти совершать Таинства ни у какого человека быть не может, ибо они суть действия сверхъестественные. Таинства, как мы уже говорили выше, совершает Христос, в Церкви, Духом Святым; а священнику принадлежит роль доверенного лица Церкви, ее уполномоченного служителя. В деле совершения Таинств священник — лишь «инструмент»; Таинства есть действие Церкви, священниковы только, образно говоря, руки. Следовательно, пока священник законно служит, Таинства совершаются им независимо от прочих обстоятельств — если, конечно, он совершает их по уставу Церкви и от лица ее. Поэтому о «власти священнодействия» можно говорить лишь условно, непременно учитывая этот церковный контекст.

Власть же пастырская, духовническая, власть созидать и хранить Церковь ни в коем случае не должна пониматься в мирском смысле —

как насилие и принуждение. О недопустимости этого со всею силою предостерегали еще в древности Святые Отцы (я уже неоднократно приводил эту цитату): «да не вкрадывается под видом священнодействия надменность масти мирския; и да не утратим по малу, неприятно, той свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков». Власть священства — исключительно духовная и нравственная, она основывается на свободе и уважении к человеку и осуществляется не мирскими средствами, но словом убеждения и примером жизни.

Здесь необходимо опровергнуть очень распространенное мнение, что священник это «посредник» между человеком и Богом, и что, собственно, из этого факта «посредства» и проистекает священническая власть. Это совершенно неверно. В Церкви общение человека и Бога совершается непосредственно, во Христе, Духом Святым. Суть же пастырского служения — не посредство, а педагогика: приведение человека ко Христу и помощь ему в возрастании в жизни во Христе через точное проповедание Евангелия и правое преподание Таинств. Пастырь есть друг Жениха, говоря евангельскими словами (Ин. 3:29), и только лишь «свидетель», а не распорядитель над людьми.

Таким образом, власть священства, в точном соответствии с Евангелием (кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом (Мк 10:43–44), оборачивается ответственностью перед Богом, обязанностью пастыря самому познать веру, которой он будет учить других; самому идти путем заповедей Христовых, примером воодушевляя паству, помогая ей от опыта, а не от поверхностно прочитанных книг; самому понять смысл Таинств и заключенное в них богообщение и сознательно преподавать их другим. Наконец, священник должен очень хорошо осоз-

навать и чувствовать, что власть эта — не его, а Христова, данная ему Церковью не для извлечения выгод или для того, чтобы ставить сомнительные «духовные» эксперименты на доверяющих ему людях, исходя из своих представлений о Христе, Церкви и духовной жизни, а для того, чтобы он даром священства служил христианам в духе Церкви и от лица ее. Из этого и нужно исходить, говоря о власти священнодействовать и учить. Совершает Таинство Церковь руками священниковыми: но руки должны быть чисты. Учение веры и благочестия содержит Церковь, и задача священника — донести его в целостности и неповрежденности до своей паствы; но для этого пастырь должен сам идти путем христианской жизни и примером своей жизни в первую очередь (и лишь во вторую — словами) вести людей ко Христу.

И здесь перед нами встает ряд практических вопросов о норме отношений пастыря и паствы. Норму эту, как и все в Церкви, дает нам откровение Божие — Священное Писание. Мы сказали, что Господь дал власть Своим апостолам и их преемникам, епископам и священникам, строить и хранить Церковь. Власть эта (еще раз подчеркнем: власть не в мирском смысле, но в духовном — власть служения и проповеди) хранится в Церкви и передается в Таинстве Священства. Церковь — ковчег спасения; следовательно, необходимо быть в союзе с нею, а это значит, что необходимо послушание Церкви и ее уполномоченным служителям — пастырям. «Повинуйтесь наставникам вашим, и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас бесполезно» (Евр. 13:17), пишет апостол.

Именно через послушание пастырям христиане состоят в богоустановленном церковном чине. Но такое положение дел налагает на священника, как мы только что сказали, чрезвычайную ответственность:

за каждую душу, к нему относящуюся, он даст отчет Богу. От пастыря требуется прежде всего осознание этой ответственности: «внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте» (Деян. 20:28–31), наставляет пастырей апостол Павел; а апостол Петр подытоживает: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых, и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и Богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы. Также и младшие, повинуйтесь пастырям; все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр. 5:1–5). «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов... Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией... дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Петр. 4:8–11). Лучше не скажешь. Все учение Церкви о пастырстве — в этих словах.

Но есть в Евангелии еще один текст, который, казалось бы, опровергает значение вышесказанного: «не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья. И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник Хри-

стос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:8–12). Как все это понять? С одной стороны, очевидна необходимость священства для того, чтобы получать благодатное освящение в Таинствах и научиться истинам веры и благочестия. Мы видим, что таков изначально чин Церкви, установленный апостолами. С другой стороны — эти слова Христа: «не называйтесь учителями, отцами и наставниками»?

Здесь дело вот в чем. Господь с особой силой подчеркивает то, о чем мы уже сказали — священник не является и не может являться отцом, учителем и наставником самим по себе: все его учительство и наставничество тогда и только тогда становится действенным, когда он учит о Христе, наставляет ко Христу, является, по выражению митрополита Антония Сурожского, устами Христа, глазами Его, ушами Его, руками Его. И когда мы называем такого пастыря отцом — мы в его лице так называем Самого Господа. Если священник забывает об этом, если он делами и словами учит не учению Христа и Его Церкви, а тому, что он сам считает истиной, своим представлением о христианстве — он не пастырь, а «лютый волк», по выражению апостола Павла (ср. Деян. 20:29). В таких случаях священник начинает повелевать, а не служить, влагать в людей свои понятия о Боге и Церкви, отвращая их тем самым от истины, и губить их, а не спасать. Спасение — еще раз повторим — в приобщении Христу посредством точного усвоения Евангельского (а не какого-то иного) учения и жизни по нему и правого приобщения Таинств. И только такой священник становится истинным пастырем и отцом, который приводит человека ко Христу, а не к себе. Об этом и говорят тексты Священного Писания, нами приведенные.

И здесь мы видим две основные ошибки, которые в сегодняшнем православном обиходе искажают богоустановленный чин пастырства

и делают духовнические отношения явлением, вызывающим порой нарекания на Церковь. Первая ошибка — неверное, магически-автоматическое восприятие благодати священства. Вторая — такое же, магически-автоматическое восприятие подвига послушания. Среди церковных людей весьма распространено представление, что благодать священства действует «автоматически». Некоторый повод дает к этому уже упоминавшееся нами обстоятельство — Таинства совершаются священником в силу законного уполномочивания Церкви, независимо от его нравственного состояния. Появляется соблазн распространить это уникальное в своем роде обстоятельство и на другие сферы действия священства. Отсюда выходит, что многие и пастыри, и паства начинают думать, что достаточно только рукоположения как такового; после него все, что говорит священник, диктуется ему с небес, все, что он делает — безукоризненно, в силу действия благодати священства самого по себе, а малейшее сомнение в этом есть «хула на Духа Святого». Это и есть магическое восприятие Таинства. Благодать священства (как и все в Церкви) действует только тогда, когда ей содействуют; она не действует магически и более того: когда к благодати Божией относятся язычески-потребительским образом, она таким подходом оскорбляется, попирается и служит так воспринимающим ее людям в суд и осуждение.

Необходимы собственные усилия священника в раскрытии спасительного действия благодати священства. Благодать эта подается ему общим церковным порядком как семя, как то, что он должен развивать своим трудом. В самом деле, если человек гордый, глупый, невежественный, невоспитанный — никакой дар Божий автоматически не превратит его в смиренного, тактичного, просвещенного. Он должен потрудиться над этим сам; а Господь Своею благодатью будет ему в этом

помогать, немощное укреплять, недостающее восполнять — но при непременно условии личной духовной и нравственной деятельности. Для этого нужно и должное образование; необходимо и правильное руководство со стороны старших, более опытных, чтобы новорукоположенный пастырь не «варился сам в себе», а воспитывался в духе Церкви; немалую пользу может оказать и просто общее нравственное, интеллектуальное и культурное воспитание. Сейчас пастырь не может быть «от сохи»: ему нужно быть культурным и образованным человеком (уже не говоря о том, что священник должен быть образцом воспитанности и порядочности). К сожалению, часто приходится встречаться с противоположными взглядами: считается почему-то, что как только человек вошел в Церковь, ему нужно отбросить всю культуру, вежливость, уважение к другим людям, порядочность, тактичность, деликатность как «мирское», «грешное», «фальшивое» и «лицемерное», и жить только «духовным». Но нельзя построить чердак, не положив фундамента и не выстроив этажей; также не может быть никакой духовности, если человек не состоялся как просто нравственная личность. Вообще, надо заметить, труднее всего быть просто нормальным человеком: это требует от православных, как показывает опыт, самых больших усилий... Итак, если пастырь сам не изучит веру Церкви, сам не будет жить по заповедям Христовым, а будет рассчитывать на действие благодати «самой по себе», он станет не пастырем, а требоисполнителем, или, другими словами говоря, жрецом, совершающим требуемые от него действия, воспринимаемые магически; и, конечно, никого и ничему научить не сможет.

То же можно сказать и о послушании, которое в этой системе взглядов воспринимается как «обратная сторона процесса»: автоматически действующая благодать священства, якобы сама по себе на-

ставляющая человека, требует слепого нерассуждающего послушания, действующего также автоматически. При этом личные нравственные усилия (и вообще все личное) излишни, а результат гарантирован в силу самого факта послушания. Ярko иллюстрирует такой подход следующее широко распространенное в православном обиходе мнение: «пусть батюшка не понимает тот или иной вопрос, но за мое послушание Бог ему все откроет; и если я без рассуждения поверю его указаниям, то независимо ни от чего благодать приведет меня к положительному результату». Но это типичный пример магического подхода к духовной жизни. Господь ведь не сказал: «Если есть два слепых, но второй верит, что первый не слепой, то первый упадет в яму, а второй за эту веру не упадет». Нет, Господь сказал с полной ясностью и определенностью: «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14). Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что факт веры сам по себе еще ничего не говорит; главное, во что мы верим. Вера в истину спасает, а вера в ложь, пусть даже и выглядящую благочестиво — губит.

Очень важно: в Церкви нет ничего слепого и автоматического. И послушание тоже никак не может быть таким; оно не должно противоречить Священному Писанию и учению Церкви. Слушать нам надлежит Христа — послушание Ему только и может быть абсолютным; слушать мы должны Церковь (но опять же — Церковь, а не то, что тот или иной пастырь от невежества или от своих страстей и немощей считает Церковью); но ни Христос, ни Его Церковь никак не требуют от нас ничего нерассуждающего, автоматического и слепого. Послушание есть добродетель производная; оно вытекает из взаимной любви и уважения пастыря и паствы, и является естественным выражением того, что старшие в Церкви помогают младшим, заботятся о них, как бы «несут их на себе». Всякое послушание нужно испытывать по его плодам,

в соответствии с евангельскими словами — по плодам их узнаете их (Мф. 7:16); плод же этот — христианская жизнь, зрелая, ответственная и самостоятельная. Также нельзя путать послушание и церковную дисциплину. Часто эти понятия смешивают, и тогда происходит подмена: вместо послушания Церкви — рабство у человека.

Причиной «магически-автоматического» подхода к благодати священства и к послушанию является, с одной стороны, нежелание нравственно трудиться, и даже неосознание необходимости этого; с другой — безответственность, боязнь христианской свободы, стремление переложить ответственность за свою жизнь на плечи другого, неумение свободно и сознательно строить свою духовную жизнь. И здесь опять нужно напомнить, что христианство есть синергия, сотворчество Бога и человека, сотворчество людей в Церкви, старших и младших, каждого в своем чину, на своем месте, и все это — во Христе, в Духе Святом, для созидания тела Церкви в любви, для спасения и жизни вечной (ср. Еф. 4:16). И в этой благодатной реальности нет и не может быть насилия, господствования одних над другими, подавления личности, превозношения и чванства и всяческой несвободы, выражаемой в том числе в магическом восприятии пастырского служения.

Как же в свете всего вышесказанного должны строиться отношения паствы и пастыря? Сначала, когда человек только входит в Церковь, ему желательно найти пастыря, духовника, с которым он сможет обговаривать свою жизнь достаточно подробно. Это нужно для того, чтобы человек правильно воцерковился, не заблудившись в дебрях псевдоцерковности. Этот процесс совершенно подобен воспитанию малого дитяти: его нужно научить ходить, разговаривать, читать, жить в социуме. Так и новоначальный христианин должен быть научен, как молиться, исполнять церковный чин, строить жизнь по началам благочестия, что

и как читать и т.д. Духовник здесь выступает как заботливый опекун, воспитатель, педагог, имея целью, чтобы сегодняшний новоначальный развился в сознательного христианина, приобщенного духовной жизни Церкви, ответственного и самостоятельного. Дух этого опекунства уважение и любовь пастыря к новонаначальному христианину, выявление Церкви не как схемы, а для каждого человека лично, применяясь к его устройению; со стороны же новоначального — доверие и послушание.

Когда период новоначала кончается, отношения с пастырем меняются: они становятся отношениями совета, взаимного шествия по пути христианской жизни, взаимного, как бы уже на равных, доверия, уважения, сотрудничества. И здесь нужно избегать распространенной ошибки — когда новоначалические отношения излишне затягиваются и превращаются в некое рабство у пастыря. Нелепо, когда после пятнадцати лет духовных отношений христианин караулит священника, чтобы спросить его, можно ли ему завтра поехать на дачу или сократить в случае усталости правило. Не делайтесь рабами человеков, увещевает нас апостол Павел (1 Кор. 7:23). Христианской жизнью нужно жить самим. Святитель Феофан Затворник удачно сравнивал духовника со столбом с указателями, стоящим на перепутье; а путь никто другой, кроме самого идущего, за него не совершит. Вообще говоря, пастырю принадлежит лишь право совета большего в новоначалии, более свободного — во «взрослом» христианском состоянии; но принимать решения и строить свою жизнь должен каждый христианин сам. Атмосферу же, в которой совершаются духовные пастырские взаимоотношения, должны составлять взаимные доверие и любовь, взаимное рассуждение, и никогда — не подавление, не командование, не манипулирование, не потребительский подход.

Но вот вопрос — где же взять такого пастыря? И как вообще ис-

кать себе духовника? Мы описали идеальное положение — вещей пастырь должен быть смиренным, тактичным, мудрым и гибким служителем Христа Спасителя, усвоившим учение и дух Церкви, чтобы живо и творчески, а не формально и схематически, дать доверившейся ему душе то, что Христос хочет дать именно этому человеку. Но все люди, и пастыри в том числе, далеки от идеала, только лишь ищут его, все немощны, слабы, грешны. Все мы в этой жизни должны со снисхождением терпеть друг друга, носить немощи и тяготы ближних — и пастырей в том числе. Поэтому к поискам и выбору духовника нужно отнестись с большой серьезностью и испытанием. На практике это осуществляется так: у одного батюшки поисповедаться, у другого, послушать, что говорит один, другой, третий — и прилепиться к кому лежит сердце, а главное — от кого есть польза для души. Эта должно быть поставлено во главу угла. Здесь нужно избегать всякого нездорового мистицизма. Часто спрашивают: можно ли менять духовника, если нет пользы душе от общения с ним, не грех ли это? Конечно, можно; в этом, как и во всех церковных действиях, не должно быть ничего «автоматически-магического». Выбрать духовника — это не в клетку попасться, а именно искать духовной пользы и духовного плода. Тут может быть и долгая история, и нужно молиться, чтобы Господь дал духовника; не все и находят, ограничиваясь исповедью одному и тому же батюшке, без каких-то глубоких отношений.

Если же говорить о критериях, которым должен отвечать духовник, то главное здесь — способность священника к диалогу, когда он воспринимает пришедшего к нему человека не «сверху вниз», И не через ворох церковных схем, а непосредственно, как уникальную и богоподобную личность, пришедшую ко Христу, во всей сложности его индивидуальных внутренних и внешних обстоятельств. Чрезвычайно важны

и педагогические способности духовника, чтобы он мог помочь человеку найти себя во Христе и в Церкви. Если нам посчастливится найти такую духовную атмосферу во взаимоотношениях с пастырем, тогда и благодать священства, и послушание обретут ту почву, на которой они смогут правильно развиваться. Противоположная ситуация — священник за Бога решает и точно «знает» все, относящееся до человека, и своим священническим авторитетом подавляет его. Обычно такое настроение называется и считается особою «духовностью»: но такой духовности, результат которой всегда бывает плачевным, необходимо всячески избегать: это — фарисейство. Нужно смотреть, какого духа священник. Если он начинает пугать бесами, требует, что надо ехать на отчитку, начинает без всякого желания и согласия на то людей интересоваться интимной стороной их жизни или, как мы уже говорили, навязывает нечто авторитарное, противное Церкви, от такого «пастыря» нужно мягко, деликатно, но решительно удалиться.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Владимир Мартынов, композитор

Ситуация в Церкви меня беспокоит. Да и кого она может оставить равнодушным? Особенно последние события, связанные с Андреем Кураевым и с темами, которые он поднял. Проблемы, естественно, не только в православной Церкви, но и в католической, и в протестантской, где ситуация еще, может быть, хуже: закрытие церквей, люди перестали ходить в церкви в Дании, в Голландии, во Франции. Все это может быть предметом беспокойства, но таковы неизбежные процессы, потому что расцерковление мира и человека идет полным ходом, и я не знаю, что этому может воспрепятствовать. Только какой-нибудь катаклизм.

Так происходит не только в Церкви, подобная же деградация касается и культуры. Недавно приезжал с визитом бывший канцлер ФРГ Шмидт, и он сказал о том, что политики мельчают, и последними харизматичными политиками были де Голль и Черчилль. То же можно сказать и о художниках, композиторах, и в той же самой мере эти процессы касаются и Церкви. Когда я начинал церковную жизнь в середине 70-х годов, было очень много старцев, и самое интересное, что они

были доступными. Я пришел в Церковь, потому что были архимандрит Таврион Батозский, схиархимандрит Амвросий Балабановский, отец Николай Гурьянов, и к ним легко можно было подойти, без вопросов. Сейчас не то что старцев нет, но до них не добраться... С тем же самым отцом Николаем, к которому я ездил за два года до его смерти, и было это по большому благу. Ехал я к нему с одним крутым богатеем, который имеет к нему доступ, и со священником. Что там было: какой-то ОМОН, кордоны, казаки — в общем, простой смертный туда уже не прорвется. Не могу, конечно, брать на себя такую смелость и говорить, что старцев нет, но если они и есть, к ним попросту не попадешь, как раньше в 70-е годы. И эти процессы идут, они необратимы.

Ну хорошо, ситуацией в современном обществе мы не управляем, но и в Церкви... Допустим, взять скандал с Pussy Riot — омерзительный, отвратительный поступок! Но нельзя, чтобы они за это пострадали. Это же глупость и властей, и Церкви превращать их в мучеников. В свое время, когда Бродского отправили в ссылку, Ахматова сказала замечательную вещь: «какую карьеру сделали нашему рыжему». Это, конечно, не мое дело, но какое-то патриаршее слово ожидали люди, лично я ждал, чтобы этих девушек помиловали, простили. Но ведь никакой реакции не последовало. Какие мы можем предъявлять претензии после этого? У меня был друг, такой поэт Дербенев, писал одни шлягеры. Уже в зрелом возрасте он стал очень верующим человеком, пришел к православию, и когда случаются эти нападки на Церковь — а ведь мы всегда ругаем московский патриархат — он говорит, ну что ты хочешь? Если прийти в комитет по делам спорта, увидишь, что там сидят пузатые люди, которые пьют пиво, мацают девок и так далее. Когда с ними общаешься, и не подумаешь, что где-то есть спортсмены, которые бегают быстрее всех, прыгают выше всех, поднимают тяже-

сти...

Когда мы говорим о Церкви как о институте, мне становится неудобно, и иногда хочется как-то дистанцироваться просто от «такой» Церкви. Если в советские времена принадлежность к Церкви была предметом гордости, то сейчас есть такие компании, по поводу которых хочется сказать, что лично я не имею к этому отношения. Потому что просто стыдно. Издают какие-то чудовищные книжки. Вот, книга Андрея Яхнина «Антиискусство»: Малевич, Кандинский и все современное искусство клеймится ярлыком тоталитарной секты. Это даже не безграмотность, нет, это просто вонючая идеологическая книжка. А ведь получила разные церковные благословения. Как это возможно? И масса таких неприятных вещей происходит.

Что важно еще было для моей веры? В Советском Союзе Церковь была гонима, и для того, чтобы в ней находится, не то, что бы мужество какое-то нужно было, но это все-таки вызывало какое-то уважение у окружающих. Сейчас мы видим альянс с властью, и невольно начинаешь испытывать неудобство на этот счет. Однако любые процессы зависят от состояния человека, который приходит в Церковь. Вот такая история: один знакомый привез икону святителя Николая XV века, и так получилось, что она у меня дома была три дня. Я испытал несколько двойственное чувство от этого и даже немного обрадовался, когда он забрал ее, потому что при ней уже многих вещей не сделаешь, она обязывает. Когда эта икона стоит, возникает такое детское чувство: помните, маленькими мы отворачивали иконки к стене, чтобы варенье украсть. Примерно то же самое случилось и с церковной традицией, в частности, со знаменным распевом, всей системой богослужебного пения — они предъявляют определенные требования к молящимся, и эти требования неудобно носить для современного человека. Наша

психика и внимание расслаблены, а состояние богослужебного пения напрямую связано с состоянием тех людей, которые приходят в храм.

А что происходит с архитектурой! Вся Россия наполнена этими ужасными храмами а-ля «Христа Спасителя». Впрочем, ужас даже не в этом: ладно ты сделал плохую копию, но повтори хотя бы архитектуру исторического памятника. Но ведь даже этого не могут сделать, и в результате мы получаем ужасный церетелевский бронзит, полный кошмар. А если вы были внутри храма Христа Спасителя, там есть такой зал съездов с бронзовыми павлинами. Как к этому можно относиться? Когда все только начиналось, мы все были настроены оптимистично, знакомились с проектами восстановления храма и думали, что будут привлечены лучшие иконописцы, строители. Но потом мафиозные структуры всех оттеснили, и получилось то, что получилось.

Подобные процессы деградации затронули все, что связано с церковной культурой, и мы являемся свидетелями настоящего раскультирования Церкви. И это очень неприятная тенденция, потому что мы говорим о расцерковлении в культуре, но ведь одновременно идет и раскультирование Церкви. Поэтому очень важно замечать и говорить о таких оазисах, как у игуменьи Ксении Зайцевой в Коломне, где создан «Музей органической культуры». Только задумайтесь — это монастырь, где есть музей современного искусства, где все время проводятся современные кинофестивали, концерты. Вот такой культурный центр. Но, к сожалению, все подобные положительные примеры блекнут перед той стыдобой, которая оказывается на самом виду.

Я в церковных структурах провел много лет, в 1979 году начал преподавать в Академии, и я хочу сказать, что судьба «церковных интеллектуалов», таких хороших, настоящих, умных профессиональных людей достаточно незавидна. Хорошо, я просто штатский человек,

«пиджачник», а вот если ты монах, да еще и более-менее умный и видный, тебя могут очень легко отправить в ссылку. Где нет этой здоровой критики изнутри, на ее месте возникает похабная антицерковная пропаганда. Определенно в этом и сама Церковь виновата, потому что она блокирует внутренние силы. Против того же Кураева развязана явно какая-то кампания, и это конечно, очень щекотливая тема. «Голубое лобби» не только в Церкви, но и в культуре, в музыке. Если ты не «голубой», до верхушки лестницы ты никогда не дойдешь, и это все знают. Только ведь это с Церковью несовместимо — вот, что действительно ужасно. Впрочем, оказывается, что даже заикаться на эту тему нельзя, нельзя говорить об этом, обсуждать эту проблему.

Считайте это старческим ворчанием, но хорошо, когда Церковь под спудом. Это не очень приятно звучит, я понимаю. Но это как-то организовывало людей: ну, нельзя было нести ту чушь, которую сейчас говорят люди в облачении, так, что просто уши вянут. Получается безответственность от вседозволенности. Когда было «все нельзя», это приносило больший контроль и дисциплину. Конечно, не могло тогда быть таких очередей к святыням, но очень трудно сказать, что лучше, и что хуже. Есть такой полуфантастический фильм Бертрана Блие про компанию молодых людей, которые находятся то в современном обществе, то переносятся во времена второй мировой войны. И получается, что и там не хорошо, и здесь плохо — здесь СПИД, а там фашисты. Поэтому трудно сказать, какое время лучше. Но совсем не хочется верить, что то, в котором живем мы.

СКАНДАЛ

Фрагмент интервью Дмитрия Ольшанского на радио РСН

Хочу сказать сначала для тех, кто не знает или знает не очень хорошо, кто такой вообще протоиерей отец Андрей Кураев. Ему 50 лет. Он родился в Москве в довольно интеллигентной и образованной университетской семье, и в 80-е годы отправился в Церковь, закончил семинарию, академию и примерно в годы перестройки, в самом конце 80-х годов, он становится в молодом возрасте довольно заметной фигурой в церковной среде. И, в общем, с этого времени уже все последние 25 лет он очень активно влияет на церковную жизнь России, несмотря на то, что он не является формально никаким большим церковным начальником, но, тем не менее, он знаменитый русский миссионер последних 25 лет. Он пишет много книг, ездит по всей России с лекциями, выступает, дает интервью, пишет статьи, вообще очень активно высказывается. И я бы определил его позицию как достаточно умеренную, консервативную, прагматичную. То есть он не революционер, не радикал, но вместе с тем, его главная вообще тема всю жизнь — это взаимоотношения Церкви, взаимоотношения православного христианства

с разными другими, зачастую экзотическими явлениями и движениями нашей жизни.

И что, собственно, произошло — в последние несколько недель он стал выступать с очень резкими обвинениями в адрес разных правящих архиереев Московской Патриархии, а также публиковать чужие обвинения в своем блоге. Такие скандалы были в Русской Православной Церкви за последние 20 лет несколько раз. Но они не привлекали такого большого внимания светской публики. И тот же Кураев не был тогда на острие этого скандала. Но сейчас он такие обвинения выдвигает, он печатает их в своем блоге, и, конечно, это производит очень сильное впечатление. Сам отец Андрей Кураев говорит о том, что он вмешался в эту историю после скандала в Казани, где семинаристы пожаловались, по их мнению, на приставания со стороны их начальства. Была вызвана комиссия из Москвы, из Патриархии, которая вроде как заняла сторону семинаристов, и кто-то из церковного начальства был уволен. И сам отец Андрей Кураев решил опубликовать эту историю и тем самым помочь семинаристам, чтобы их дело не было «убрано в песок» или «под полу», но дальше пошло и поехало. Дальше он стал печатать уже разные другие истории про церковных начальников, и, в общем, скандал стал разгораться. И сам он говорит со своей стороны, что это все чистое правдоискательство, во что, честно сказать, я не очень верю, потому что Кураев — это человек, который всегда очень прагматично выступает, то есть всегда вовремя, тогда, когда это ему нужно. Он не тот человек, который будет гоняться за своей правдой все время, невзирая на обстоятельства.

Кураев такой церковный пиарщик, церковный политтехнолог, а не правдоискатель. Это важно понимать. При этом, с другой стороны, его обвиняют, что есть какая-то борьба партий, что есть «питер-

ские», «московские», что он занимает сторону одной из партий, что существует такая клановая борьба. Во все это я тоже не очень верю, потому что всегда можно придумать такие простые объяснения. Как всегда нам любили говорить про политику, что есть силовики и либералы, и они борются. Я думаю, что реальная подоплека заключается в том, что у Кураева испортились отношения с начальством после того, как был гораздо более громкий скандал про Pussy Riot. Он был одним из немногих людей, которые выступили скорее косвенно в защиту этих девушек. Теперь он выбрал вот такую тему, чтобы нанести свой удар в ответ, потому что тема, конечно, для верующих людей очень благодатная. Понятно, что никого не могут радовать гомосексуалисты, которые числятся среди духовенства.

И здесь мы подходим к тому, что Кураев отчасти прав. Понятно, что невозможно создать весь этот шум на пустом месте. И, действительно, я думаю, что, к сожалению, много правды в его обвинениях есть, и много правды есть в этих ужасных историях про то, как мальчики поступают в семинарию, принимают монашество, а дальше начинаются домогательства, которые подпадают под УК. Есть такая статья в Уголовном кодексе — не изнасилование, а склонение к сожительству человека с помощью шантажа, связанного с материальным положением, рабочим статусом человека и так далее, то есть давлением на него. И, конечно, я думаю, что такие вещи имеют место. И не потому, что Церковь или не Церковь — дело же не в этом! В чем главная причина? Главная причина в том, что это закрытое сообщество. Вообще, в принципе, закрытые сообщества в нашей жизни, такие как армия, тюрьмы, закрытые интернаты и тому подобное, имеют свойство прирастать такой жестокостью и, в том числе, очень часто на сексуальной почве.

Всякое закрытое сообщество активно сопротивляется попыткам

влезть в него. И более того, понятно, что сам Кураев человек знаменитый. Он теперь оказывается тоже в другом статусе, потому что человек, который выносит сор из избы, то есть выходит из среды армейской или церковной или какой-то еще и начинает говорить правду о том, что там происходит внутри, его, конечно, немедленно отовсюду должны увольнять, выгонять и так далее. Я думаю, что, несомненно, какие-то санкции ему дальнейшие грозят. Еще Кураев принципиальным образом отличается от других знаменитых разоблачителей, которых мы видели в мире и в России, начиная от WikiLeaks и заканчивая Алексеем Навальным. Я думаю, что все-таки в случае с другими разоблачителями есть буквальные фактические материалы, которые вывешиваются в интернет, какие-то документы, сканы документов, проверки по реестрам. Там же кто-то что-то украл, купил там, где нельзя и так далее. То есть нам предъявляются какие-то доказательства, которые, возможно, сфальсифицированы, на самом деле, но все-таки это некоторые документы. Значит, в случае с Кураевым ситуация принципиально иная, потому что он предъявляет, в основном, некие анонимные свидетельства в жанре ОБС («одна баба сказала»). Просто другое дело, что этих свидетельств так много, и они выглядят так правдоподобно, что, к сожалению, приходится предположить, что наверняка какая-то правда за этим есть. Но доказательств реально пока нет, и я что-то сомневаюсь, что доказать это будет легко, потому что довольно сложно доказывается, что кто-то кого-то принуждал к каким-то не тем половым отношениям, применяя угрозы и шантаж. Это надо все записывать на магнитофон и тому подобное. Как ты это просто докажешь?

К потрясению веры в западном мире подобные скандалы приводят гораздо чаще, чем в России, по одной простой причине. Если мы переключимся на минутку на политику, то в западном мире сексуальные

скандалы с политиком гораздо важнее, чем в русском. То есть в русском мире никого не удивишь, что чиновник изменил жене. Поставить крест на его карьере таким способом невозможно. А в западном мире, где-нибудь в Америке, очень легко.

Очень сложная ситуация с тем, что говорит отец Андрей, потому что, с одной стороны, мы понимаем, что он частично прав, и, несомненно, какая-то правота за этим стоит, но, с другой стороны, есть формальная юридическая сторона вопроса, что ему и отвечают представители Московской Патриархии, которые ссылаются на то, что анонимки сами по себе не являются основанием, чтобы шельмовать людей. Конечно, с помощью такого обвинения на человеке легко поставить самую скверную печать, которая только может быть для верующего человека. И совершенно не известно, правда ли или это напечатал кто-то, исходя из личной мести по какому-то совершенно другому вопросу. И этим он отличается и от Навального, и от Ассанжа, и от многих других, что нет никаких документов. Все это очень уязвимо для судебных разбирательств. Может быть, эти скандалы закончатся судом в какой-то момент.

Кураев говорит о том, что этим семинаристам, этим монахам, которые пострадали от домогательств, очень сложно апеллировать к церковному суду, потому что, если они в него подают, то разбираться с ними будет тот самый архиерей, на которого они и жалуются изначально. Как это иногда бывало в советских учреждениях. Поэтому конечно они во многом считают, что это бесполезно. Ну, а с другой стороны, Кураеву говорят, а зачем вы это публикуете непонятно от кого, непонятно что, и, собственно говоря, кто за это будет отвечать и каким образом.

Я могу объяснить, почему позиция Кураева психологически очень симпатична. Это очень легко. Дело в том, что у нас у всех копится в подсознании ощущение, что разного рода начальство нас периодически

обманывает и очень гнусно. У нас есть ощущение, что разные начальники делают постные лица, говорят речи, которые мы знаем наизусть, а на самом деле, происходит что-то непотребное. Происходит какой-то пир воровства, лжи, жестокости и тому подобное. И поэтому любой человек, который встает и, ничего не боясь, говорит, что «я обвиняю», и выдвигает какие-то обвинения в адрес той или иной правящей структуры, корпораций, тех или иных начальников в России, он, в общем, сразу имеет некий кредит доверия, потому что мы не очень доверяем какому бы то ни было начальству в нашей стране. И поэтому хочется верить в то, что скажет Кураев, нежели в то, что ему в ответ скажет чиновник. Ровно точно так же, как это было с другими разоблачениями.

Я думаю, что Кураев — взрослый человек, известный. Я думаю, что сам принимает все решения, и он сам принял решение ввязаться в этот бой, но, несомненно, совсем другие силы могут использовать этот скандал с точки зрения политтехнологий и пиара. Если вспомнить имперскую Россию, дореволюционную, то Церковь в ней управлялась государством, обер-прокурор Святейшего Синода, чиновник руководил церковью до 1917 года. Если мы вспомним Советский Союз, то советской Церковью тоже управлял светский чиновник — это был Совет по делам религий при Совете министров Советского Союза, а также разные люди из КГБ, как мы подозреваем. То есть опять же это были такие советские обер-прокуроры. И опять-таки светская власть все контролировала. И я думаю, что сейчас у государственных чиновников на фоне всех этих скандалов, которые разрастаются, может возникнуть желание вернуть на третий круг, то есть опять создать ту же ситуацию, при которой светская власть будет контролировать власть церковную с точки зрения финансов, назначения кадров, их перемещения, увольнения и тому подобное.

С точки зрения государственной власти, что такое Московская Патриархия — не с точки зрения веры, а с точки зрения социальной, политической? Это просто некая закрытая корпорация, непрозрачная. Не понятно, что там происходит. Из нее устраиваются периодически скандалы, как делали Pussy Riot, как было обвинение священника Глеба Грозовского, что он якобы является педофилом, что пока не доказано. И вот теперь скандал с Кураевым. Периодически общество сотрясают эти религиозные скандалы, и для государства это непрозрачная корпорация. Как с армией это было, когда стали реформировать армию, и назначили туда совершенно невоенного человека. Я думаю, что может возникнуть искушение, если эти скандалы будут продолжаться, взять всю эту ситуацию под светский контроль чиновников, и контролировать кадры, финансы и недвижимость. Для самого отца Андрея Кураева, может быть, это было бы хорошим исходом, потому что в своем блоге он писал о том, что он мечтает о том, чтобы пришло доброе и хорошее государство и разобралось с нашими проблемами, потому что сами не в состоянии.

Я думаю, что никто не будет совершать никаких скандальных, резких действий, которые могут вызвать какую-то реакцию оскорбленности. Речь идет о том, что может кто-то захотеть придумать некую хитрую цепочку именно такого тихого и бюрократического контроля. То есть контроля, который не связан с вопросами веры. Это вопрос контроля кадров и ресурсов. Всякая структура, в том числе религиозная, является структурой, у которой есть своя номенклатура.

К сожалению, одна из самых неприятных вещей в этой истории, это то, что отец Андрей Кураев стал заниматься этими разоблачениями именно на ниве гомосексуализма, потому что мы знаем, что в последние годы у нас сложилась не очень приятная атмосфера в стране, связан-

ная со спекуляциями на эту тему. Эта по сути не очень значительная в нашей жизни тема заняла какое-то огромное место, и политики стали на ней спекулировать. У России сложилась негативная репутация в мире как у страны, которая ни за что начинает обижать геев. К сожалению, уже вокруг Олимпиады возник этот скандал. Получается, что Кураев выбирает тему, которая льет воду на эту мельницу. То есть для многих людей, которые следят со стороны, не важно, духовенство или нет, они воспринимают это просто как кампанию против геев. Это не очень приятно. Я думаю, что это, несомненно, приведет к дальнейшим санкциям в отношении Кураева, приведет к дальнейшим разоблачениям, к дальнейшему нагнетанию.

РЕАКЦИЯ

Обсуждаем прошлый номер

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

Священник А. Т. в своей статье о древней и современной практике причащения поневоле пытается влить вино новое в мехи ветхие. Дело в том, что именно все еще формально действующие правила «говения» не позволяют человеку еженедельно принимать участие в Евхаристии, что было нормой для древних христиан (об этом будет моя статья). Мне также показалось, что он не вполне различает понятия исповедь и покаяние (это не синонимы). Древние правила палестинских и египетских отшельников — для современного человека просто садистские и издевательские — не имеют к нашей жизни никакого отношения. Их надо воспринимать в историческом контексте (как памятники своего времени), как и все условные правила, рожденные меняющейся религиозной и политической ситуацией, в отличие от безусловных и вечных слов Христа. Разумеется, об этом желательно писать предельно корректно, просто предоставляя читателю информацию. Тогда он задумается о не-

лепой ситуации, в которой мы пребываем: никто не может в точности выполнить предписания Типикона (этакого «православного Талмуда»), слагавшегося в Средиземноморском регионе, но для многих он более авторитетен, чем Евангелие Христово и богословское наследие апостола Павла, избранного Самим Христом для проповеди язычникам. Вот — действительно актуальная тема!

В газете вы могли бы открыть рубрику «Устав», например. И начать обсуждение смысла Великого поста. Время идет! Будет ко времени.

И еще:

1) стр. 13. Изречение «В главном единство, во второстепенном...» я бы не стал определять как однозначно протестантское. Во-первых, традиция приписывает ее бл. Августину или Викентию Лиринскому (так в проповеди Патриарха Кирилла). Во-вторых, пусть даже это не совсем так (а атрибуция некоторых текстов никогда, вероятно, не получит однозначного решения), — говорю как профессиональный историк-историкивед), — но наклеивать ярлык «протестантский» на хорошее изречение — значит отвращать от него «малых сих», боящихся протестантов. И ведь в самой максиме нет ничего сугубо протестантского... Надо быть тоньше и деликатнее... Например: «известное изречение, традиционно приписываемое Августину Блаженному...» и т. д.

2) стр. 41. В отношении термина «покаяние» и соответствующих ему библейских терминов. Важно помнить, что «заезженное» до неприличия и потому потерявшее для большинства всякий смысл слово «покаяние» соответствует греческому метанойа — «перемена ума», «изменение сознания» (это очень важно!), а также еврейскому тешува — «возврат», «возвращение». Вероятно, именно это значение термина определило образную метафору в притче Христа о блудном сыне (о самонадеянном юноше, заблудившемся в мире «красивых»

языческих соблазнов), где грешник именно возвращается к отцу. Когда Иоанн Предтеча призывал: «Покайтесь!» — это означало: «Вернитесь (к Богу)!»», то есть вернитесь к смыслу изначальных отношений между Богом и призванным Им народом, измените ваше искаженное националистическое сознание, с которым вы не сможете войти в Царство Божие, которое с пришествием Мессии-Христа открыто всем народам! Увы! Большинство современников Иисуса остались на «ветхих» позициях, и это определило трагедию библейского Израиля. Пример вечно актуален и для христиан. Действительно ли мы в храме каемся, то есть меняем наше «обветшавшее» и выходим в мир «новыми людьми», от которых «пред человеки» исходит такой свет, что окружающие в свою очередь обращаются к Богу и принимают крещение? Смешно? Нет! Ведь именно так — личным примером! — осуществляли свою миссию древние христиане: у них не было ни мощной организации, поддерживаемой государством, ни соборов на городских площадях, ни богатых монастырей, ни телевизионных каналов, ни быстрых колесниц (джипов, БМВ и др.) для ускорения проповеди...

3) стр. 44. Церковные каноны, запрещающие женщинам приходить в храм в «критические дни», лишь выдают ветхозаветный менталитет их составителей. К Евангелию Христианской Свободы это не имеет никакого отношения. В отличие от временных Моисеевых законов очищения, Христос очистил всех нас раз и навсегда.

ИСТОРИЯ

Священноисповедник Агафангел — благовестник христианской свободы

Фрагмент сборника статей священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

Священноисповедник митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) вошел в русскую церковную историю XX века как ревнитель подлинного церковного обновления, самоотверженно обличавший псевдоцерковное обновленчество, старейший по хиротонии архиерей синодального поставления, последовательно возражавший митрополиту Сергию (Страгородскому) в его деятельности по воссозданию синодальной системы церковного администрирования под «обер-прокурорским» надзором ГПУ, Первосвяtitель гонимой Русской Православной Церкви, веривший в ее способность строить свою внутреннюю жизнь на принципах свободы и любви в самом несвободном и исполненном ненависти государстве мира.

Общий взгляд на долгий жизненный путь митрополита Агафангела первоначально обнаруживает узнаваемую картину служения одного из многих архиереев Русской Православной Церкви синодальной эпохи. Родившийся 27 сентября 1854 г. в семье сельского священника Тульской епархии, святитель Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский), подобно большинству «поповских» сыновей, прошел обычный путь бурсацко-семинарской учебы в русской провинции, впрочем, получивший свое продолжение в Московской духовной академии. Посвятив несколько лет жизни преподавательской деятельности в провинциальных духовных училищах и пережив после года семейной жизни смерть супруги и новорожденного младенца, Александр Преображенский 7 марта 1885 г. был пострижен в монашество с именем Агафангел и вскоре посвящен в сан иеромонаха. В 1886 г. Свят. Синод назначил отца Агафангела инспектором Томской духовной семинарии, с возведением в сан игумена, а в 1888 г. — ректором Иркутской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 10 сентября 1889 г. архимандрит Агафангел был рукоположен в сан епископа Киренского, викария Иркутской епархии, и с этого времени его епископское служение было связано с жизнью нескольких епархий (Иркутской, Тобольской, Рижской, Виленской и Ярославской). Совмещая служение во вверявшихся ему епархиях с периодическим участием в заседаниях Свят. Синода, святитель Агафангел был отмечен подобающими его положению наградами: в 1904 г. — саном архиепископа, в 1912 г. — правом ношения бриллиантового креста на клобуке, в 1917 г. — саном митрополита.

Однако на протяжении всей своей жизни святитель Агафангел являл своим современникам многочисленные духовные дарования, которые находили творческое выражение в его разносторонней ар-

хипастырской деятельности. Остановимся лишь на трех, возможно, самых выразительных эпизодах епископского служения святителя Агафангела, благодаря которым он навсегда запечатлелся в русской церковной истории XX в. как один из ее самых выдающихся творцов.

Провозвестник богослужебной реформы

В октябре 1897 г. указом Свят. Синода святитель Агафангел был назначен на Рижскую кафедру. Здесь он развернул активную церковно-просветительскую деятельность. Святитель Агафангел привлек приходское духовенство и богословски подготовленных мирян к широкой церковно-просветительской работе во всех уголках епархии. С этой целью он не только всячески поддерживал деятельность уже существовавших в Прибалтийском крае Петропавловского и Прибалтийского братств, но и организовал религиозно-просветительское общество. Члены этого общества регулярно проводили в храмах епархии внебогослужебные беседы преимущественно на евангельские и литургические темы, организовали общепархиальные богословские курсы для причетников и мирян и проповедническую библиотеку.

Основополагающим началом духовного развития своей паствы святитель Агафангел считал литургическую жизнь прихода. И именно в этой области архипастырское служение святителя проявило себя в Рижской епархии с особой энергией и подлинным творческим дерзновением. Не ограничившись тем, что по его благословению на территории епархии были открыты 9 новых приходов и сооружены 30 новых храмов, святитель Агафангел разработал и во многом осуществил в Рижской епархии ряд серьезных литургических преобразований, которые призваны были раскрыть богословское богатство православного богослужения для всех чад Церкви.

Проблемы исправления текста богослужебных книг и приведение храмового богослужения как по форме, так и по содержанию в строгое соответствие с требованиями литургического предания Церкви активно, хотя и частным образом, обсуждались русским епископатом на протяжении всего XIX в. Святитель Агафангел, подобно многим представителям духовенства, воспринимал решение этих проблем в качестве одной из первейших обязанностей православных епископов. В 1905 г., в преддверии намечавшегося Поместного Собора, Свят. Синод уполномочил правящих архиереев представить отзывы о перечне и характере преобразований, которые следовало бы на нем обсудить, и святитель Агафангел в своем отзыве сформулировал свой подход к давно назревшей богослужебной реформе.

«Самый язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления, — писал святитель. — Уже со времени перевода Библии на русский язык встал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляет желать, чтобы богослужебным языком для православного русского народа оставался славянский язык. Но в таком случае необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и не учившимися славянской грамоте возможно сохранять любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку».

Еще более значительные преобразования, по мнению святителя

Агафангела, следовало осуществить в практике совершения богослужения. «Желательно также обсуждение и решение Всероссийским церковным Собором вопроса о богослужебном уставе, — писал святитель. — Этот устав составлен применительно к монастырскому обиходу, при котором общественное богослужение совершается ежедневно и круг общественного богослужения распадается на 9 отдельных служб в определенные часы суток. Соединение этих 9 служб в три — вечернюю, утреннюю и дневную, как показывает практика монастырей, — не нарушает цельности и смысла входящих в состав этих служб молитв и песнопений. Обычное же соединение всего круга богослужения в две отдельные части, как это бывает в приходских церквях, в вечернее и дневное, нарушает этот смысл, цельность и гармонию (красоту) Устава церковного. Изменить мирскую жизнь применительно к монастырскому уставу нет возможности, и было бы в высокой степени полезно создать такой богослужебный устав для приходских церквей, который сохранил бы в составе богослужебных молитв и песнопении все существенное, как выражающее нашу веру христианскую и как наследие древней церкви, но расположил бы эти чтения и песнопения в соответствии с часами и характером службы, без томительной длинноты и однообразных многократных повторений».

Богослужебная реформа была отчасти осуществлена святителем Агафангелом в рамках Рижской епархии уже в конце 1905 г. Последовательно стремясь принести соборное начало в управление епархией, он созвал Епархиальный собор, на суждение которого был поставлен в качестве одного из важнейших вопросов о преобразовании богослужения, совершавшегося в храмах епархии. Решения Рижского епархиального собора предусматривали перечень конкретных изменений, которые должны были вноситься в богослужебную практику приходских

храмов епархии. Так, Собором были установлены следующие изменения в порядке совершения всенощного бдения: «а) На вечерне пропустить сугубую ектению, так как те же моления повторяются на весьма часто совершаемой литии, тем более что та же ектения произносится на утрени; молитву главопреклонения читать вслух; б) На утрени: пропустить великую, просительные и все малые ектении на каноне и между кафизмами, оставить малые ектении по кафизме и по 9-й песни канона». Относительно порядка совершения Божественной литургии Собор предписывал епархиальному духовенству читать Евангелие лицом к народу, выпустить ектению об оглашенных, но молитву о них читать вслух, точно так же как вслух должны были прочитываться некоторые тайные молитвы евхаристического канона, царские врата должны были оставаться открытыми до херувимской песни, затем открываться перед пением Символа Веры и оставаться открытыми до причащения священнослужителей в алтаре».

Святитель Агафангел отнюдь не был единственным архиереем, который предлагал будущему Поместному Собору обсудить вопрос о внесении изменений в порядок совершения богослужения. Однако лишь святитель Агафангел, исполненный желания сделать храмовое богослужение органичной частью духовной жизни современных ему православных христиан, дерзнул изменить практику приходского служения в своей епархии, чтобы к началу работы Поместного Собора в нашей Церкви появился практический опыт осуществления литургических преобразований. Без этого Собору было бы трудно решить вопрос о целесообразности и осуществлении очередной после XVII в., реформы богослужения.

Созыв осенью 1905 г. святителем Агафангелом Епархиального собора в Риге явился событием, имевшим огромное значение не только

для епархиальной жизни Прибалтийского края, но и для всей церковной жизни России. Так после двухвекового перерыва соборное начало было восстановлено святителем на уровне управления вверенной его архипастырскому попечению епархии и во многом способствовало подлинно творческому обновлению жизни православных христиан Рижской епархии.

Обличитель обновленческого раскола

Весна 1922 г. стала временем одного из самых жестоких гонений богоборческой власти на Православную Церковь, когда массовые аресты и расстрелы духовенства стали сопровождаться целенаправленными усилиями ГПУ разрушить Церковь изнутри. Большевистский режим, арестовав Патриарха Тихона, стремился привести к высшей церковной власти священнослужителей, которые готовы были превратить церковную иерархию в послушный инструмент богоборческого государства. Отвергнув требования представителей этой группы обновленческого духовенства о передаче им полномочий на высшее церковное управление, находившийся под арестом Патриарх Тихон в мае передал высшую церковную власть Ярославскому митрополиту Агафангелу или Петроградскому митрополиту Вениамину (Казанскому), Патриарх Тихон выбрал своим преемником святителя Агафангела не случайно. В 1914 г. Свят. Синод перевел архиепископа Тихона из Ярославской епархии на Виленскую кафедру, и Ярославская епархия, преображенная трудами будущего Патриарха, с братской любовью была вверена им под архипастырское попечение святителя Агафангела, переведенного в это же время из Виленской епархии на Ярославскую. Этот знаменательный факт встречи двух замечательных святителей Русской Православной Церкви, когда они передали друг другу пастыри своих епархий, имел

огромное значение для истории Русской Православной Церкви XX века. Увидев воочию благотворные результаты архипастырских трудов друг друга в столь различных по своим историческим особенностям епархиях и оценив по достоинству личностные добродетели друг друга, будущий Патриарх Тихон и будущий Патриарший Местоблюститель митрополит Агафангел оказались связанными между собой тесными духовными узами. Именно благодаря этим духовным узам архипастырского доверия и братской любви Патриарх Тихон в 1922 году, возможно, в самый тяжелый момент своей жизни, находясь в узах богоборцев и будучи предан многими своими сослужителями, вручил кормило высшей церковной власти именно святителю Агафангелу. Последний мужественно принял это самое трудное и самое главное служение своей жизни — служение Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Оказавшись перед необходимостью вести переговоры с Патриаршими Местоблюстителями, обновленческие вожди протоиерей Александр Введенский и священник Владимир Красницкий отправились соответственно в Петроград и Ярославль. Митрополит Вениамин не только отказался вести переговоры о сотрудничестве с обновленцами, но, будучи епархиальным архиереем для нескольких об обновленческих лидеров, подверг их церковным прещениям.

На следующий же день он был арестован и менее чем через три месяца расстрелян.

В Ярославле святитель Агафангел также отверг предложение обновленцев о сотрудничестве и заявил Красницкому о своем намерении отправиться в Москву, чтобы приступить к исполнению возложенных на него Патриархом Тихоном обязанностей Местоблюстителя. Спешно вернувшись в Москву, где обновленцами при поддержке государственной власти создавался неканоничный орган церковной власти, полу-

чивший название «Высшее церковное управление» (ВЦУ), Красницкий сообщил в ГПУ о позиции святителя Агафангела, и вскоре митрополит Агафангел оказался под домашним арестом.

Распространяя ложные слухи об отречении Патриарха Тихона и передаче им своих полномочий обновленческому ВЦУ, обновленцы очень скоро создали в церковной жизни систему настоящего религиозно-политического террора. В результате власть обновленческого ВЦУ признали не только идейные сторонники обновленцев, но и священнослужители, либо введенные обновленцами в заблуждение, либо пытавшиеся сохранить церковную жизнь с помощью временного компромисса с обновленцами. Признали ВЦУ и некоторые епархиальные архиереи, как, например, митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Задержанный властями в Ярославле, святитель Агафангел 18 июня 1922 г. принял решение обратиться ко всем чадам Русской Православной Церкви с посланием, в котором дал оценку происходящим в церковной жизни событиям и указал пути решения проблем, возникших в церковном управлении после ареста Патриарха Тихона. Это послание стало актом величайшего, поистине исповеднического мужества святителя Агафангела.

Понимая необходимость оповестить всех русских православных христиан о том каноническом основании, на котором основывались его, теперь уже первоиераршие полномочия, святитель Агафангел предварил свое послание полным текстом грамоты Патриарха Тихона от 16 мая 1922 г. В ней арестованный Патриарх назначал его своим заместителем. Святитель Агафангел впервые официально опроверг ложные слухи, распространявшиеся обновленцами, о содержании последних решений Патриарха Тихона и подтвердил принятие на себя полномочий Патриаршего Местоблюстителя. Далее святитель, как

единственный законный преемник Патриарха Тихона, счел необходимым дать каноническую оценку обновленческим органам церковной власти. «Между тем меня официально известили, — писал святитель Агафангел, — что явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской церкви. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незакономерными».

Обновленческие вожди, стремившиеся не обнаруживать себя как агентов богоборческой власти, пытались представить себя преобразователями церковной жизни, которые воплощали реформаторские начинания Поместного Собора 1917–1918 г. Однако святитель Агафангел сумел категорически опровергнуть эту главную ложь обновленчества. «Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей Православной веры, священные каноны Св. Вселенских Соборов, Православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками христианского благочестия, и организовать таким образом новую, именуемую ими «Живую церковь». Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в богослужебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предложены к рассмотрению Всероссийским Собором в 1918 году, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но, во всяком случае, всевозможные изменения и церковные реформы могут быть проведены только соборною властью. А посему я почитаю своим долгом, по вступлении в управление делами Церкви, созвать Всероссийский Поместный Собор, который правомерно, согласно со словом Божиим и в мере правил святых Вселенских Соборов... рассмотрит все, что необходимо и полезно для нашей церковной жизни». Святитель Ага-

фангел категорически отрицал литургические нововведения обновленцев, хотя многие годы был известен как сторонник богослужебной реформы. Это должно было показать всем православным христианам, что реформаторская деятельность обновленцев представляет собой лишь прикрытие их подлинной, вдохновлявшейся богоборческой властью религиозно-политической деятельности, направленной на разрушение канонического единства русской церковной жизни и на превращение Церкви в пропагандистское орудие коммунистического режима.

Святитель Агафангел ясно сознавал, что большевики, устранившие из церковной жизни Патриарха Тихона и митрополита Вениамина, могут в любой момент расправиться и с ним. Желая не допустить разрушения канонического преемства высшей церковной власти в России, святитель предложил русским епископам единственно возможный в тех условиях путь сохранения каноничной церковной иерархии. «Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! — писал святитель Агафангел. — Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти».

Послание святителя Агафангела вызвало страх и ярость руководителей ГПУ, которые справедливо увидели в нем не только разоблачение их церковной агентуры в лице обновленцев, но и конкретную программу действий для православных епископов, способную сорвать план богоборческой власти по насаждению в Церкви ее ставленников. Из Москвы последовал приказ о заключении митрополита под строгий домашний арест, а уже осенью 1922 г. он был переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве. 28 ноября митрополиту Агафангелу объявили

приговор комиссии НКВД о трехлетней ссылке в далекий Нарымский край, и в конце декабря тяжело больного святителя, вопреки протестам тюремных врачей, отправили в ссылку общим этапом с уголовниками и преступниками.

ГПУ не только стремилось к тому, чтобы имевший огромный авторитет Патриарший Местоблюститель был полностью отстранен от церковной жизни, но и рассчитывало, что суровые условия нарымской ссылки приведут к кончине 70-летнего святителя. Однако милостью Божией святитель Агафангел оставался в живых. В апреле 1926 г., через несколько месяцев после окончания срока ссылки, он, наконец, был освобожден и вернулся в Ярославскую епархию.

Поборник свободной Церкви о несвободном государстве

Митрополит Сергей (Страгородский), арестованный в декабре 1926 г., неожиданно вышел из заключения в конце марта 1927 г. и 18 мая сформировал в Москве «Временный Патриарший Священный Синод», который уже через два дня получил регистрацию в НКВД. Официальное признание государственной властью органов высшего церковного управления Московской Патриархии, которого тщетно добивались Патриарх Тихон и митрополит Петр, в то время воспринималось подавляющим большинством церковной иерархии как положительное событие. Казалось, это признание обусловит появление приемлемой для государства правовой основы деятельности Православной Церкви в стране и положит конец непрекращавшимся все годы существования советской власти гонениям против православных христиан. Поэтому деятельность митрополита Сергея нашла поддержку большей части православного епископата, в том числе и святителя Агафангела.

Положение изменилось после издания «Декларации» митрополита

Сергия от 29 июля 1927 г. святитель Агафангел принял решение распространить ее в епархии, лишь сопроводив собственным обращением к пастве. Однако представители местных властей, постоянно ограничивавшие деятельность святителя различными запретами, разрешили печатать лишь текст «Декларации». Возмущенный этим очередным проявлением вмешательства властей в его епархиальную деятельность, святитель Агафангел вообще отказался от распечатывания «Декларации» в государственной типографии и распространения ее текста в пределах епархии.

Осенью 1927 г. для многих представителей русской церковной иерархии стало очевидно, что регистрация Московской Патриархии не гарантирует прекращения гонений, а политика митрополита Сергия предполагает неизбежное вмешательство богоборческого государства даже в кадровую политику Церкви. Особенно наглядно это проявилось осенью 1927 г., когда под давлением государственной власти митрополит Сергей отменил собственное решение о назначении митрополита Иосифа (Петровых) на Ленинградскую кафедру. В результате появились епископы, которые не только обвинили митрополита Сергия в узурпации высшей церковной власти и подчинении Церкви ГПУ, но и заявили о своем каноническом отделении от заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Среди этих епископов оказались близкие святителю Агафангелу митрополит Иосиф и архиепископ Серафим (Самойлович), которых будущий священноисповедник сразу же поддержал, о чем и было заявлено в их совместном обращении к митрополиту Сергию от 6 февраля 1928 г.

«Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления всероссийского церковного Собора 1917–1918 гг. далеко не оправдывают вашего стояния у кормила

высшего управления нашей отечественною церковью, — говорилось в обращении, — мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали делом своей совести быть в единении с Вами и иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетных собратьев наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору... Но заветные чаяния наши и надежды не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью, чем дальше, тем в большей степени вызывает недовольство и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата — смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян. Чадам Церкви, и прежде всего, конечно, епископату, Вы вменяете в обязанность лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти, всегда были, есть и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного управления внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе). На место возвещенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое пе-

ремещение епископов — часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т.д... Мы, епископы Ярославской церковной области... в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью... Настоящее решение наше остается в силе и впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного Митрополита Петра».

Это обращение явилось одним из нескольких посланий, которые направили митрополиту Сергию отделившиеся от него епископы. Однако впервые подобное послание было подписано целой группой известных в церкви архиереев, во главе которых находился авторитетный церковный иерарх, старейший по хиротонии святитель Русской Православной Церкви, Патриарший Местоблюститель митрополит Агафангел. Сознававший, насколько большое значение могла иметь позиция святителя Агафангела для многих епископов, митрополит Сергей вступил с ним в письменные переговоры. Трижды к постели умиравшего от неизлечимого сердечного заболевания святителя Агафангела приезжали епископы с письмами от митрополита Сергея.

Эти заочные переговоры имели огромное значение для подведения своеобразного церковно-политического итога продолжавшейся между ними несколько лет полемики о путях сохранения мира в гонимой Церкви. В этом трудном диалоге митрополит Сергей получал возможность еще раз духовно прочувствовать и богословско-канонически продумать меру ответственности за свою церковно-административную деятель-

ность. Эта деятельность исходила из стремления сохранить церковную жизнь в России прежде всего посредством получения официального признания церковной иерархии со стороны богоборческого советского государства, с которым митрополит Сергей готов был идти, казалось, на любые компромиссы. Не меньшее значение эта полемика имела и для святителя Агафангела, не перестававшего скорбеть о судьбе гонимой Русской Православной Церкви даже на одре смертельной болезни. Дерзнувший в 1922 г., перед лицом поддержанного государственной властью обновленческого ВЦУ, призвать епископов к самостоятельному управлению своими епархиями, святитель Агафангел имел печальную возможность убедиться в том, что большинство правящих архиереев, даже совершенно чуждых обновленцам, предпочло формально признать созданный ими неканоничный административный центр. Двухвековая синодальная система жесткого централизованного управления церковной жизнью из опекаемого государством органа высшей церковной власти воспитала поколения епископов в представлении о невозможности полноценного епархиального управления без сохранения административной связи епархиальных архиереев с официально признанным государством, хотя и канонически сомнительным центром власти. Именно из этой недооцененной святителем Агафангелом в 1922 г. особенности церковно-административного сознания русских епископов исходил в своей деятельности митрополит Сергей, очень хорошо представлявший епископат после многих лет непрерывного участия в деятельности Свят. Синода. И святитель Агафангел не мог не признать в 1928 г. относительной правоты своего младшего собрата по архиерейскому служению относительно распространенности подобных умонастроений среди значительной части русского епископата.

10 мая 1928 г., призвав к себе остававшихся в Ярославской епар-

хии викариев — архиепископа Варлаама и епископа Евгения, святитель Агафангел составил вместе с ними новое обращение к митрополиту Сергию: « ... Находим нужным сказать следующее:

1 . Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Митрополитом Сергием.

2. Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем.

3. Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим.

4. Принципиально власть Вашу, как Заместителя, не отрицаем.

5. Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие каноны... исполнять не могли и не можем».

Доведя содержание письма митрополиту Сергию до сведения благочинных Ярославской епархии, святитель Агафангел вернул большую часть епархиального духовенства в административное подчинение митрополиту Сергию. Однако он сохранил в епархии практику возношения за богослужением лишь имени Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и оставил за епархиальным духовенством право игнорировать духовно и канонически сомнительные распоряжения заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

В сентябре состояние здоровья святителя Агафангела стало резко и необратимо ухудшаться, и 16 октября 1928 г. священноисповедник Агафангел мирно отошел ко Господу. Он обрел для себя в полной мере христианскую свободу и любовь во Христе, утверждавшиеся им в русской церковной жизни на протяжении всей его архипастырской деятельности.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

АПОСТОЛ

«По чину Мелхиседека». Апостол в праздник Сретения Господня

Проповедь архимандрита Ианнуария Ивлиева

«Братия, младшего благословляет старший. Это бесспорно. И в одном случае десятины взимают люди смертные, а в другом случае — тот, о котором засвидетельствовано, что он живет. В лице же Авраама десятину уплатил, так сказать, и сам Левий, десятины взимающий! Ведь он был тогда еще в чреслах своего предка Авраама, когда того встретил Мелхиседек. Однако, если бы совершенство достигалось уже посредством левитского священства, — а ведь именно на его основе народ получил законодательство, — то какая нужда была бы поставлять иного священника, по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона? — Ведь за изменением священства с необходимостью следует и изменение закона. — Ибо Тот, о Котором это говорится, принадлежит иному колену, из которого к алтарю никто не приступает. Ибо всем известно, что Господь наш взшел из Иуды. Но относительно священства из этого колена Моисей

ничего не сказал. Но все становится понятным, когда по подобию Мелхиседека поставляется иной Священник, Который стал таковым не по закону плотской заповеди, но силою бесконечной жизни. Ибо свидетельство Ему таково: «Ты — священник вовек по чину Мелхиседека». (Евр. 7, 7–17 перевод архимандрита Ианнуария Ивлиева)

Для литургического чтения в праздник Сретения Господня избран такой отрывок из Послания к Евреям, который, даже при внимательном прочтении, весьма сложен для понимания. Образы и аргументация в этом отрывке представляются непривычными. Одна их ключевых фигур Послания к Евреям, фигура Мелхиседека, кажется нам малозначительной. Чей ум пробудится при упоминании этого образа Ветхого Завета, о котором там говорится всего лишь в нескольких строчках? Чье сердце откликнется на сравнение этого далекого Мелхиседека с Самим Спасителем Иисусом Христом? И совсем уж неясно, почему наш отрывок читается в праздник Сретения. Все это свидетельствует о большом временном и культурном расстоянии, которое отделяет современного верующего от христианина I века, о том, как нечувствительны мы к Слову Писания, которое для людей того времени было неиссякаемым источником вдохновенного богословского творчества.

Послание к Евреям — одно из боговдохновенных богословских сочинений Нового Завета. Его основная цель — показать уникальность, единственность Иисуса Христа как Посредника между людьми и Богом. Ветхозаветная религия, не допускавшая прямого, непосредственного контакта человека с Богом, признавала три вида посредничества: ангелов, пророка Моисея и священство «по чину

Аарона», исторически происходившее из колена Левия. Послание к Евреям стремится доказать своим читателям, что Иисус Христос превосходит и ангелов, и Моисея, и все законное священство Аарона. Иисус — выше ангелов, «ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя?» (Евр. 1, 5) и «не Ангелам Бог покорил будущую вселенную» (Евр. 2, 5). Иисус — выше Моисея, ибо Моисей — только слуга в доме Божиим, «а Христос — Сын в доме Его; дом же Его — мы» (Евр. 3,5 - 6). Наконец, Иисус — выше всего законного ветхозаветного священства «по чину Аарона», ибо Он был «назван от Бога Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (Евр. 5, 10; 6, 20). Иначе говоря, священство Иисуса иного порядка, нежели священство ветхого Израиля, оно превосходит, более того, отменяет жертвенные и храмовые традиции иудаизма. С явлением Иисуса Христа произошло столь радикальное изменение в религиозной вере и практике человечества, что справедливо говорится о двух эрах человеческой истории: до Рождества и после Рождества Христова, что и зафиксировано в календарях современного мира.

Собственно, доказательству этой уникальности и универсальности первосвященства Иисуса Христа посвящено все Послание к Евреям. Утонченная аргументация послания нам далеко не всегда понятна, так как и весь образ мышления, и способ обращения с текстами Священного Писания ученых книжников тех далеких времен современному человеку кажутся странными. Но все же мы должны попытаться понять их.

Итак, Иисус Христос характеризуется как Первосвященник по чину Мелхиседека. Какой смысл вкладывается в это наименование? Здесь надо вспомнить, что для устранения греха как состояния отчуждения людей от Бога, от Источника их бытия и жизни в Древ-

нем мире существовала сложная система священства и жертвоприношений. Но практика показала, что никакие усилия священства и никакие жертвы не могли восстановить разрушенные отношения между человеком и Богом. Послание к Евреям поэтому утверждает, что возникла необходимость в принципиально ином священстве и в принципиально ином жертвоприношении. В Иисусе Христе Бог послал людям Того Единственного Первосвященника, Который Своей жертвой реально открыл людям доступ к Богу. Вот это новое священство Иисуса и названо священством по чину Мелхиседека.

Обоснование этого богословского утверждения взято из двух отрывков Ветхого Завета. Во-первых, это Пс. 109, 4, где сказано: «Клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека». Во-вторых, это Быт. 14, 17 - 20, где изложена история Мелхиседека, царя Салимского и священника Бога Всевышнего, который именем Бога благословил праотца Авраама, после чего Авраам дал Мелхиседеку «десятую часть из всего». Послание к Евреям, пользуясь искусным и распространенным в те далекие времена способом иносказательного толкования, усматривает в словах Писания таинственный, сокровенный смысл. Этот смысл, сокрытый от «внешних», открывается людям Церкви, верующим в Иисуса Христа, просвещенным Духом Святым. Вспомним слова Самого Иисуса Христа, сказанные Его ближайшим ученикам: «Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах» (Мк. 4, 11), то есть остается загадочным.

Прочитанный нами отрывок из Послания к Евреям обращает наше внимание на такие подробности краткого библейского повествования о встрече Авраама с Мелхиседеком, которые поверхностному взгляду вряд ли вообще заметны, а углубленному в Слово

Божие взгляду открываются в их таинственной глубине. Во-первых, Мелхиседек благословил Авраама. Но благословение всегда дает вышестоящий, старший по своему положению. Следовательно, Мелхиседек стоял выше Авраама, хотя Авраам был основателем иудейского народа. Во-вторых, Мелхиседек взял с Авраама десятину, чем «доказал», что он не только выше Авраама, но и выше правнука Авраама Левия, который находился в чреслах Авраама в момент, когда тот платил десятину. Можно сказать, что Левий, которому иудеи платили десятину, в лице Авраама сам уплатил десятину Мелхиседеку. И мысль идет дальше: священники из колена Левия вносили десятину, основываясь на нормах закона, а Мелхиседек получил ее на иных, чрезвычайных основаниях, данных ему Богом не по закону смертной плоти, но по силе вечной жизни. Ведь левиты получали десятину как смертные; Мелхиседек же получал ее как живущий вечно. О вечной жизни Мелхиседека, правда, в Писании не говорится. Но в нем ничего не говорится также о родословной Мелхиседека, о том, когда началось или закончилось священство Мелхиседека, о том, когда он родился или умер. Следовательно, делается вывод, у него не было ни начала, ни конца дней: он и сейчас живет, и его священство длится вечно. Это и подтверждают слова псалма, обращенные к грядущему Мессии: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека».

И вот, как Послание к Евреям обратило наше внимание на таинственную связь ветхозаветной истории о Мелхиседеке с евангельским откровением об Иисусе Христе, так и создатели круга праздничных литургических чтений обратили наше внимание на связь этих богословских размышлений Послания к Евреям с церковным праздником Сретения Господня. В истории, которая рассказана

в Евангелии от Луки и которая исполнена духовной символики, ветхозаветное священство в лице престарелого праведного Симеона встречается в Иерусалимском храме с Богомладенцем Иисусом. И священник благодарит Бога за исполнение обещанного откровения. Старец видит, что Младенец Иисус, «руце Симеоне благословивый», — обетованный Помазанник Господа, слава народа Израиля, свет язычникам и спасение всем людям. Младенец благословляет старца, ибо Он — больший, Он — старший. Законное храмовое священство уступает место Первосвященнику вечному, не в силу закона плотской заповеди поставленному, но в силу вечной Божественной жизни «Свободителя душ наших, дарующего нам воскресение».

МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА

ЛЕКТОРИЙ

Как приобретается духовник, и кто может быть духовником?

Священник А. Т.

Поиск начинается тогда, когда у христианина появляется нужда в духовнике. Человек обретает веру, становится членом Церкви, постепенно возрастает в духовной жизни и наступает момент, когда у него начинают появляться вопросы, как духовные, так и житейские, на которые он сам не способен найти правильного ответа, с которыми он не способен самостоятельно разобраться. У него появляется необходимость в помощи более знающего, более опытного в духовной жизни человека.

Почему мы делаем акцент на «более опытного», а не на «более знающего»?

Наверное каждый в жизни сталкивался с тем, что ему приходилось кому-то что-то объяснять, давать советы — либо собственным детям, либо близким, знакомым, или даже посторонним людям. У человека возникает вопрос или трудная ситуация, он делится этим вопросом и ждет какой-то поддержки, помощи в понимании и разрешении затруд-

нения. Человек далекий от Церкви, скорее всего, обратится к психологу, церковный человек будет искать возможности решения вопроса с духовной точки зрения. Так вот, дать разумный, а тем более полезный совет мы сможем только тогда, когда мы эту ситуацию сами прочувствовали и опытно прошли: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь....» (Евр. 2:18). Тогда мы сможем дать ответ, не просто теоретически — может быть так, а может быть эдак, показать несколько различных точек зрения, из которых нужно выбрать правильную, но как это сделать непонятно. Когда же я сам это опытно прошел, может быть «споткнулся», может быть «ударился», но прошел эту ситуацию, а может еще и не прошел, а только иду по этому пути, но я уже знаю, что вот здесь я споткнулся, здесь ударился, вот здесь я за эту корягу зацепился и, может даже упал, я уже могу своему ближнему сказать — будь осторожен! Вот тут коряга, здесь острый угол, о который можно разбить колено, а вот тут балка, о которую, если не пригнешься, расшибешь себе лоб. И, собственно, когда человек ищет духовника, или идет к духовнику, он идет именно за этим — за поддержкой, за советом и за молитвенной помощью.

Но прежде чем говорить о том, как найти духовника, давайте разберемся с вопросом: духовник — кто это?

Условно «институт» духовничества можно разделить на три степени:

1) Духовник — это приходской священник, роль которого — совершать таинства Церкви. Он может не быть выдающимся проповедником, не обладать духовным опытом в силу возраста или иных причин, не иметь «особых» духовных дарований, что совсем не обязательно. Достаточно, что он имеет твердую веру во Христа и крепкое упование, что в тех таинствах Церкви, которые он совершает, действует сам Хри-

стос, а священник является Его соработником. Такой священник может давать какие-то простые необходимые советы-подсказки во время исповеди, но главная его задача — это свидетельство Богу о принесенном человеком покаянии: «аз же точию свидетель есть, да свидетельствую перед Ним вся, елика речеши мне...» (увещевание кающемуся из чина исповедания). Таких духовников в Церкви — большинство.

2) Вторая степень духовничества — это священник, не просто совершающий таинство, а способный давать наставления другому человеку, как правильно совершать свое шествие по жизни, чтобы эта «дорога» действительно превратилась в путь от земли на Небо. Даже не обязательно священник, или епископ — это может быть и простой монах, духовно опытный человек. Задача такого духовника не просто совершение таинства. В силу своей опытности, духовной развитости и зрелости, он способен другим открывать высоты духовной жизни, помогать «оторваться от земли», возрождать человека к новой жизни — жизни в теснейшем богообщении, в устремлении к Богу. Таких духовников называют «духовными отцами», или «духовными матерями». Как родители по плоти рожают своих детей для жизни в земном мире, так «родители духовные» «рождают» своих чад для Жизни Вечной и не просто «рождают», а воспитывают их, ведут по этому трудному и опасному пути в течение всей жизни: «...Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя;» (Пс. 2:7).

3) И есть третья, высшая степень духовничества — это старчество. Старчество — это особый, благодатный вид служения Церкви, наполненный особыми духовными дарованиями. Говоря образно, старец — это человек прошедший весь духовный путь возрождения человека и предстоящий в преддверии Царства Небесного. Один из современных подвижников благочестия так отзывался о старчестве: старцы — это

будущие святые. Старчество во все времена отличало не только наличие таких даров Духа как прозорливость, пророческий дар, дар исцелений... Главным отличием являлись глубочайшая вера и безграничная любовь к Богу и людям, основанные на подлинном смирении. Старцем может быть и епископ и священник, и монах, и простой человек — мирянин. Примеры благодатного старчества на Руси — прп Сергей Радонежский, прп Серафим Саровский, Оптинские старцы, блж Ксения Петербургская, св. прв Иоанн Кронштадский, блж Матрона Московская, св. прв Алексей Московский (Мечев), Дивеевские старицы... — список этот можно продолжать бесконечно. Но конечно нужно понимать, что если среди духовников далеко не многие способны стать «духовными отцами», то старчество — это удел единиц.

Духовник, как правило, обретается не сразу, а со временем, из более или менее продолжительного общения. Стать духовником, как мы говорили, может не только епископ или священник. Это может быть и простой монах, и духовно опытный мирянин. Выше мы уже приводили такие примеры.

А как относиться к Ванге?

Вопрос не однозначный. Для нас важным критерием в оценке того или иного явления, а особенно духовничества и старчества, должны являться Св. Писание и Св. Предание: «ибо всякое дерево познается по плоду своему...» (Лк. 6:44). Беда в том, что мы сами чаще всего не настолько духовны и грамотны, чтобы различать «плоды» и разбираться в этом. А как не ошибиться? Первое — прислушаться к голосу Церкви. Важные жизненные вопросы, особенно духовные, касающиеся спасения человека, Церковь всегда ставила и ставит на главенствующее место и дает на них недвусмысленные ответы. Если же и здесь мы не можем найти однозначный ответ, то можно руководствоваться

«золотым» правилом отцов Церкви: «не понимаешь — не принимай, но и не осуждай». Примеры — канонизация блж Матроны, Царственных Страстотерпцев, прп Серафима Саровского... Было огромное количество противников канонизации этих святых даже среди священников и священноначалия. Виной тому недобрые слухи, или распространение порочных, смущающих умы, сведений разными «кликушами», людьми духовно «не трезвыми», либо недостаточное понимание данного явления: «духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2:15). Насколько мне известно, Церковь пока не признала «дар» Ванги благодатным, хотя это несомненно дар, но вот природа его до конца не ясна. Недавно на телевидении вышел сериал о Ванге, где ее дар представлен как «дар Божий», что пока не подтверждено никакими правдоподобными источниками. Если вам интересно мое мнение, то в отношении Ванги у меня много смущения. А вот для примера расскажу вам один случай. Однажды в Троице-Сергиевой Лавре мне довелось встретить ныне покойного схиигумена Иеронима (Верендякина) из Санаксарской обители. Батюшка шел по монастырю в Троицкий собор, я шел чуть сзади и сбоку и наблюдал за ним. День был пасмурный, хмурый и все вокруг хмурое и унылое. Небольшая елочка уныло стоит, опустив свои «лапки» под морозящим дождиком, а батюшка идет и улыбается, светится весь... посмотрел на елочку — та приосанилась, весело опущенные лапки приподняла и сама засияла... Сама природа преображается от соприкосновения с благодатию Духа, действующего через своих подвижников: «Дивен Бог во святых Своих: Бог Израилев...» (Пс. 67:36). Так вот, когда мы сталкиваемся с благодатию Божией, то и ощущения и действия совсем другие.

Внимательный, духовно чуткий человек обязательно почувствует присутствие, или отсутствие благодати Божией: «И они сказали

друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк. 24:32), почувствует вне зависимости от совершающихся, или не совершающихся при этом чудес. Духоносные отцы Церкви научают нас — лучше не принять, отвергнуть из осторожности то, что подается от Бога, чем принять за истину козни лукавого: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я; и многих прельстят» (Мк. 13:5–7). Примером такого мудрого и осторожного поведения, основанного на предостережении самого Спасителя, является св. ап. Фома: «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25). Множество примеров мы можем найти и в житиях подвижников благочестия и в житиях святых. Например, житие прп Никиты Епископа Новгородского. Но все же, при этом нам полезно и безопасно держаться правила отцов: «не понимаешь — не принимай, но и не осуждай».

Пример такого мудрого отношения мы можем найти даже в текстах богослужения Церкви, где говорится о Боге что Он «...свят всегда, ныне и присно и во веки веков». Что такое это «веки веков» — вечно вечного? В славянском языке «век» определяется как пространственно-временной континуум (физическая модель, представляющая из себя четырехмерный мир — три пространственных и одно временное измерения), то есть говоря проще — это наш мир, мир в котором мы живем. На протяжении всей церковной истории велась полемика о том, сколько же таких миров существует, один, или их множество. Есть различные богословские мнения по этому вопросу, но прямого откровения от Бога мы не имеем. Никто не взялся отрицать такую возможность, проявив

мудрость в этом отношении, да и не столь важно для нас, сколько этих «веков». Гораздо важнее для нас, что Бог Свят во веки веков, но чтобы не погрешить — «не понимаешь — не принимай, но и не осуждай», то есть будь мудр и осторожен в суждениях.

Как выбрать духовника?

При выборе духовника важно руководствоваться двумя главными принципами:

1) Чтобы духовник искал славы не своей, а славы Божией, вел человека не к себе, а вел его ко Христу. Нужно понимать, что за годы богоборчества в нашей стране многие традиции и само духовное преемство были сильно «расшатаны», а где-то и вовсе уничтожены. На сегодняшний день мы почти все являемся духовными неопитами, мы только учимся жить духовно, как пчелки с разных цветов нектар, собирая те драгоценные крупы духовной мудрости, которой в полноте обладали духоносные подвижники прежних времен и на этом пути не избежать ошибок, причем не только тем, кто приходит за советом, но к сожалению, иногда и тем, кто призван эти советы давать.

2) Чтобы то чему учит духовник, то о чем говорит, соответствовало Евангелию и Св. Преданию. Если он учит со смирением и по Евангелию — слава Богу. Если мы видим, как нам кажется, какое-то несоответствие, то нужно внимательно исследовать и разобраться, возможно мы сами смотрим «не под тем углом», но если мы внимательно разобрались и видим, что учение духовника не соответствует выше названным критериям (подчинить себе, а не привести ко Христу и учит не по Евангелию) — лучше от такого духовника держаться подальше. Сам св. ап. Павел предостерегает нас от такого заблуждения: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». (Гал. 1: 8).

Допустим ли переход от одного духовника к другому?

Допустим конечно. Во первых нужно помнить что Церковь — живой организм, в котором постоянно совершаются процессы возрастания или деградации духовной личности. Каждый член Церкви ежедневно, ежеминутно ставится перед выбором в той или иной ситуации, как бы сдает экзамен — идет ли он за Богом, или бежит от Него. Духовник на этом пути — первый помощник, наставник, опора... Но если человек ищет от духовника помощи и поддержки в сложной ситуации и не получает ее, как ему быть? Как любой нормальный человек заболел приходит в больницу и ищет помощи от врача и если этой помощи не получает, то он будет искать другого врача, более искусного, который сможет вылечить его болезнь, так и с поиском духовника. Бывает, что человек перерастает своего духовника, ему уже не хватает глубины познания Истины, раскрываемой духовником, и он ищет руководителя более преуспевшего в духовной жизни. Бывает, что человек переоценивает свои силы. Делая первые шаги в Церкви, он сразу стремится найти себе духовного отца, не понимая ни смысла, ни глубины этих отношений. Нет доверия, нет желания прислушиваться к советам. Такой человек сам начинает учить духовника как нужно руководить его жизнью и какие ему давать советы... Такие отношения, как правило, непродолжительны и если человек в скором времени не меняется, то он расстается с духовником. Инициатива разрыва может исходить и от духовника. Мудрый духовник, видя, что не может оказать реальной, действенной помощи человеку, сам может посоветовать ему, обратиться к другому духовнику, от общения с которым человек получит реальную пользу. Одно важно помнить, что все эти перемены и переходы должны совершаться в духе христианской любви и взаимного уважения.

Насколько полным должно быть послушание духовнику и что такое

вообще послушание?

Мы с вами подошли, пожалуй, к одному из самых важных вопросов, в решении которого чаще всего и более всего встречаются ошибки и «перегибы».

Чтобы ответить на вопрос насколько полным должно быть послушание духовнику, нужно сначала ответить на вопрос что же такое послушание.

Послушание — повиновение; покорность (Толковый словарь русского языка). Послушание может проявляться по отношению к родителям, старшим, начальству — это так называемое естественное послушание, заложенное в природу человека.

Иной аспект послушания это послушание как — обязательное исполнение каждым, кто проживает в монастыре, какой-либо работы. Конкретное послушание зависит от уклада жизни монастыря; «постоянное» послушание похоже на мирскую должность.

Интересующий же нас в свете темы нашей беседы аспект послушания можно определить как одну из важнейших добродетелей христианской жизни, важность которой понималась и утверждалась богословами как Восточной, так и Западной Церквей. Истинное и совершенное послушание — это добродетель превыше всех добродетелей, и никакое великое дело не может осуществиться или быть доведено до конца без этой добродетели.

В приведенном определении мы видим два важных аспекта, о которые легко споткнуться — «истинное» и «совершенное». Вот с этим давайте и попробуем разобраться.

Попробуем сначала кратко рассмотреть понятие — «истинное» в том аспекте, который нас более всего интересует. Истинное — подразумевает пребывание (стояние) в Истине, то есть для христианина —

в Боге. Для чего христианин возлагает на себя этот труд? — для достижения собственного обожения, то есть изменения себя по отношению к Истине, исцеления своей поврежденной природы и соединения с вечной Истиной — Богом. Если послушание, в данном случае не ведет к Богу, то и истинным его вряд ли можно назвать.

Совершенное — это понятие можно рассматривать как ведущее к совершенству и как абсолютное, безоговорочное. Вот на последнем хотелось бы остановиться подробнее. Очень часто послушание духовнику возводится в ранг абсолютного подчинения, по образу послушания новонаначального монаха своему старцу в монастыре, что, конечно же, является ошибкой. Монах при пострижении в иноческий сан, дает три главных обета, одним из которых является послушание — как отсечение собственной воли и полное предания себя в руки Бога, и данного ему от Бога старца-наставника. При этом нужно помнить, что само пострижение в монашество является «умиранием» для этого мира и возрождением в новую, духовную жизнь. Приходя в монастырь, монах добровольно отказывается от собственной воли и передает себя в руки духовного наставника. Здесь никак не нарушается свобода воли человека, данная ему Богом как величайший дар.

Иное дело, когда «духовник» начинает требовать от своих «духовных чад» абсолютного послушания, подчинения во всем. Вот тут уже нужно призадуматься. Бог дает человеку свободу, причем Он настолько деликатен, что не только не нарушает данной свободы, но даже не вмешивается в нашу жизнь без нашей просьбы, без нашего призыва. Когда один человек начинает попирает свободу другого человека, причем эту свободу даже не он дал, не ставит ли он себя выше Бога, не заслоняет ли уже только этим собою Христа?

Хороший, мудрый духовник — это не деспот, это добрый советник,

настоящий отец, который в первую очередь заботится о благе своих духовных чад, в полном смысле слова «распинаясь и умирая» за них: «пастырь добрый душу свою полагает за овец» (Ин. 10:11). У такого духовника духовные чада не для того чтобы ему служить, но он сам служит им по образу Христа: «а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? Не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Лк. 22:26–27). Им кажется что они в послушании у своего духовника, а на самом деле он исполняет великое послушание — служение спасения своих духовных чад. Он добрый советчик, наставник, служитель, отец, каждый день восходящий на «голгофу» за своих детей. Он не требует подчинения, а лишь дает добрый совет и возможность сделать личный выбор, предостерегает, а не запрещает. Сам Господь не запретил Адаму вкушать от плода познания добра и зла, Он лишь по-отечески предупреждает его о чудовищной опасности: «а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:17). И если духовник от Бога и ведет к Богу, то и поступать будет по-Божьи.

Что же касается старчества, то к старцам всегда обращались в исключительных жизненных ситуациях — когда нужно узнать непосредственно волю Божию, и ни духовник, ни кто иной, эту волю открыть не мог. При этом старцы никогда не насиловали волю человека. Через них открывалась воля Божия, а сочетание или противопоставление собственной воли воле Божией оставалось всегда личным выбором человека. К сожалению, люди часто пытаются «попасть» к старцу без особой нужды, или без готовности принять волю Божию, а это очень опасно: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который

не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12:47–48). Человек может вести добродетельную жизнь, но потеряв трезвость духовную, переоценить свои силы и взяться за неподъемную ношу. Примером может служить евангельский юноша, который подойдя ко Христу спрашивает, как ему спастись. Господь напоминает ему о заповедях, на что юноша отвечает, что все эти заповеди он соблюдает с детства: «Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» (Мф. 19:20–22). Евангелие повествует, что этот юноша имел большое богатство, расстаться с которым не хотел и потому «скорбя в себе» отошел от Христа. Ключевой момент этого повествования — если хочешь быть совершенным! Господь не заставлял его быть совершенным, Он лишь ответил на вопрос, который задал юноша. Но как мы видим, задавая вопрос, юноша не был готов к ответу, он не готов был послушать Бога, довериться Ему. Вот так и мы часто ищем духовников, старцев, но готовы ли мы доверять и слушать советы?

Еще одним важным аспектом послушания является желание и умение слушать — не слушаться, а именно слушать, что и как говорится. Ведь и сам корень слова послушание — именно слушать. Часто бывает так, что духовник говорит одно, а вопрошающий слышит совсем другое, а то и прямо противоположное. В чем причина? — в неумении слушать. Когда человек для себя уже что-то решил, то в любом совете он будет искать утверждение своего решения. Гораздо разумнее было бы «отстраниться» от своего решения и послушать совета, как бы

«написанного на чистом листе», а потом уже рассмотреть обе точки зрения. Они могут совпасть, а могут и не совпасть, но у человека появится выбор. Печально бывает видеть человека идущего за советом и всеми силами пытающегося убедить духовника дать именно тот совет, предложить именно то решение, которое человек для себя уже выбрал. Зачем тогда советоваться? В таких случаях опытные духовники просто умолкают, не давая никаких советов или ответов, чтобы не поставить свое «неразумное чадо» в еще более тяжелое положение.

Что еще важно при выборе духовника?

Важное условие при выборе духовника — отклик в душе. Бывает так — известный священник, старец, имеет большой опыт, вещи правильные говорит, а душа не лежит... А к иному пришел, еще на пороге, а уже ощущение родства..., действительное ощущение, что пришел как к отцу, или как к брату... — единый дух, или по человечески можно сказать — «на одной волне». Вот такому духовнику легче открыться, довериться..., он «родной» — не бросит, не оттолкнет, не подведет... Но еще раз подчеркнем, как бы не чувствовалась эта близость, каким бы глубоким ни было доверие, ни в коем случае духовник не должен заслонять собой Христа и уж тем более заменять Его собой.

Важным критерием в общении с духовником является доверие духовнику. Собственно говоря, как советоваться или испрашивать благословения на какие-то дела, если не доверяешь. А иногда бывает так, что доверие к духовнику присутствует во всей полноте, а вот серьезное отношение к его советам и благословениям отсутствует. Несерьезное отношение к благословию — это, на мой взгляд, настоящая беда. Нужно понимать, что когда мы испрашиваем благословение духовника на то или иное дело, то получаем благословение не человеческое, а Божие. Духовник молится, просит, чтобы Господь открыл Свою волю,

помог осуществить задуманное, то есть своим прошением, своей молитвой мы призываем Бога в соработники. Благословение это не просто разрешение — это соучастие Бога в предпринимаемом деле... Давайте вспомним в Ветхом Завете благословение Исааком его детей — Иакова и Исава. Иаков обманом получает благословение отца как первородный сын и вот когда приходит Исав, то отец уже не может преподать ему то благословение, которое он отдал Иакову. Неужели не осталось у тебя благословения для меня, с горечью стенает Исав, благослови и меня, но отец молчит, у него не остается тех великих даров, которыми он благословил младшего сына — не его это благословение, но Божие. (Быт. 27:28–38). Кроме того, нужно помнить о огромной ответственности, которую налагает на человека благословение Божие: «и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! Пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где

не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет;» (Мф. 25:15–29). И первый кто несет эту великую ответственность — это духовник.

Если Бог знает все, что нам нужно — зачем просить?

Бог дал человеку свободу и этой свободы не нарушает. Конечно, Он знает все наши нужды, но Он предельно деликатен в отношениях с нами, Он ждет от нас призывания.

Можно ли просить благословения у Бога на какие-то дела «напрямую», или можно только через духовника?

Конечно можно и не только можно, но и нужно. Перед каждым добрым делом христианин читает молитву «Царю Небесный...» и просит благословения на удачное совершение доброго дела. Когда не совсем ясно, хорошее ли дело мы начинаем — молитва и испрашивание благословения у Бога помогут чуткому человеку это понять и вовремя остановиться, если дело не доброе. А вот если разобраться не удастся, то лучше все же обратиться за советом к духовнику.

Важно так же не забывать о том, что мы сами довольно часто выступаем в роли таких «духовников», когда наши ближние обращаются к нам за советом. Будем помнить, насколько важна и страшна ответственность за советы ближним. Своим советом мы можем помочь человеку, а можем сломать чужую жизнь. Тем более опасно, когда советы дают люди, не имеющие ни духовного, ни житейского опыта. Сам по себе совет может быть и не плохим, но человек может быть к нему

совершенно не готов, и в какое же положение мы поставим человека? Св. Писание говорит нам: «лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2:21).

Постараемся же прежде чем дать кому-то совет, тысячу раз подумать о той ответственности, которую мы на себя берем, а сами приходя за советом будем стараться искать наставников «добрых», которые: «бдят о душах наших», будем учиться добру: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13:7) и постараемся слушать их наставления: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно» (Евр.13: 17).

КАЛЕНДАРЬ

Встреча в давно сожженном храме

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

На пути ко Встрече

Встречи бывают разные. Одни из них проходят без следа и тут же забываются, другие остаются, а иногда определяют всю нашу дальнейшую жизнь. Но есть единственная в мире Встреча, не только сохранившаяся в Священной истории, но даже ставшая великим ежегодным христианским торжеством (2/15 февраля). Его славянское архаическое название — «Сретение» — так и переводится: «Встреча». Об этой знаменательной встрече, происшедшей за несколько лет до наступления календарной «новой эры», мы читаем во второй главе Евангелия от Луки. Попытаемся представить себе происходящее.

Две тысячи лет тому назад пыльная дорога между Вифлеемом и Иерусалимом была, как обычно, наполнена звучными аккордами дорожной суеты, — возгласами погонщиков, криками животных и скрипом колес. Благочестивые паломники и деловитые негоцианты, суровые римские

легионеры и мирные поселяне двигались по ней в обоих направлениях. Ничем не выделялась среди других и скромная чета, совершавшая свой знаменательный путь уже очень давно — на исходе времен, именуемых теперь «ветхозаветными».

Юная мать с сорокадневным младенцем-сыном восседала на кротком ослике, мерившем каменистую дорогу своими дробными шажками. Ослика вел под уздцы пожилой сухощавый мужчина, седовласый и седобородый, с печатью мужественного благообразия и нелегких житейских забот на загорелом челе. Кожаные сандалии на его ногах видели немало дорог, а простая одежда и огрубевшие руки выдавали в нем человека мастерового.

Этой четой были Иосиф и Дева Мария. Решив обосноваться в Вифлееме, на родине своих царственных предков, они направлялись в Иерусалимский Храм, чтобы совершить предписанные в этот день законом Моисея обряды. Сорокадневный первенец посвящался Богу, а над матерью совершался обряд послеродового очищения. При этом в жертву приносили агнца (ягненка) и горлицу.

Мы не знаем, какие мысли владели Святым Семейством. Деву Марию, вероятно, смущал предстоящий обряд очищения. Ее супруг наверняка сокрушался о своей бедности, не позволившей скопить денег на предписанного законом жертвенного агнца. Со смущением поглядывал он на сделанную им легкую деревянную клетку, предназначенную для двух «птенцов голубиных». Иосиф купит их на шумном торжище у Храма, и они станут заместительной жертвой, приносимой в этом случае бедными семьями. Можно быть уверенным лишь в одном: ни Пресвятая Дева, ни праведный Иосиф не предполагали о скорой и знаменательной Встрече в Иерусалимском Храме, затмившей обязательные священные обряды настолько, что евангелист Лука упомянул

о них лишь мимоходом: «Когда они совершили все по Закону Господню, то возвратились <...> в свой город».

«Ныне отпускаеши...»

Переступив порог храмового двора, путники увидели величественного старца, шествовавшего им навстречу. Звали его Симеон. Этому таинственному мужу «было обещано Духом Святым», что он не умрет, пока не встретит Мессию (Христа). Согласно средневековой легенде, Симеон был одним из «семидесяти толковников», переводивших еврейское Священное Писание на греческий язык для знаменитой Александрийской библиотеки еще в III столетии до Р. Х. Переводя Книгу пророка Исайи, он усомнился в пророчестве о рождении Мессии-Эммануила от Девы (Исайя 7:14), был наказан за это томительным ожиданием и жил неимоверно долго — более трех столетий! Ученый старец стал олицетворением всего Ветхого Завета, смысл истории которого воплощался в многовековом ожидании Спасителя мира. Симеон одряхлел и устал, его близкие давно ушли в мир иной, и он чувствовал себя одиноким и чужим на этой земле.

Но вот наступил день, замкнувший череду нескончаемых лет, и мудрец, пресыщенный днями, направился в Храм. В Сыне бедного плотника из Назарета Симеон сразу узнал всю жизнь ожидаемого Мессии. «Наконец-то! — вырывается вздох из его груди. — Совершилось! Я дождался Тебя, и теперь могу уйти, чтоб приложиться к праотцам».

Приняв Богомладенца на руки (и получив за это прозвище Богоприимец), стоя на пороге Нового Завета, переступить который ему не дано, он произносит от лица ветхозаветного человечества знаменательные слова, ставшие молитвой и повторяющиеся за каждой «Вечерней» службой:

«Ныне отпускаешь Ты с миром слугу Твоего,
исполнив слово Твое, Владыка,
ибо видели очи мои спасение Твое,
уготованное Тобою для всех народов —
свет для просвещения язычников
и славу народа Твоего Израиля»

(перевод С. Аверинцева)

Символика встречи бесконечно перерастает буквальное значение этого евангельского события, и оно становится встречей Ветхого и Нового Завета, оправданием и исполнением в Иисусе Христе древних мессианских чаяний. Для верующих иудеев Он — слава, а для пребывающих во тьме идолопоклонничества язычников — свет.

Прозревая ту борьбу, которая развернется вокруг личности явившегося в мир Христа (ибо Его жизнь и проповедь станут камнем преткновения для многих), старец Симеон прибавил, обратившись к юной Марии: «И Тебе Самой душу рассечет меч». Эти слова будут сопровождать весь крестный путь Богоматери: от обагрившихся кровью невинных младенцев ночных улиц Вифлеема до страшного холма со зловещим названием Голгофа («Череп»). Таково основное содержание и смысл праздника Встречи-Сретения.

К истории праздника

Древнейшее достоверное свидетельство о богослужебном чествовании Сретения Господня на христианском Востоке находим в знаменитом *Itinerarium Aetherae*, иначе — «Паломничестве ко Святым местам» (*Peregrinatio ad Loca Sancta*). Этот ценнейший памятник датируется концом IV века и принадлежит перу любознательной западной паломницы

Этерии (в старой литературе — Сильвия Аквитанка). Ее Перегринацию, один из первых христианских памятников этого жанра, еще не дает Сретению самостоятельного литургического заголовка и именует его просто «сороковым днем от Эпифании (Богоявления)», — зато кратко описывает само торжество, совершающееся в этот день в Иерусалиме. Приведем это свидетельство полностью.

«Сороковой день от Эпифании (*quadragesimae de Epiphania*) празднуется здесь с большою честью. В этот день бывает процессия в Анастасис [букв. «в Воскресение»; так греки называют Храм Гроба Господня. — Ю. Р.], и все шествуют, и все совершается по порядку с величайшим торжеством, как бы в Пасху. Проповедуют все пресвитеры, и потом епископ, толкуя всегда о том месте Евангелия, где в сороковой день Иосиф и Мария принесли Господа в Храм, и узрели Его Симеон и Анна пророчица, дочь Фануила, и о словах их, которые они сказали, узрев Господа, и о приношении, которое принесли родители. И после этого, отправив все по обычному порядку, совершают Литургию, и затем бывает отпуст» (*Itinerarium Aetherae*, 26).

Согласно свидетельствам исторических источников, праздник Сретения появился и в IV–V веках существовал в богослужебном календаре Иерусалимской Церкви в качестве торжества, завершающего сорокадневный цикл Богоявления (греч. Тзофания или Эпифания), посвященного воспоминанию целого ряда евангельских событий. Этим объясняется первоначальное отсутствие у него собственного литургического заголовка и именование его, по формальному хронологическому принципу, — «Сороковым днем от Эпифании».

По завершении решающей стадии христологических споров (на Халкидонском Соборе 451 года, утвердившем догмат равночестного единения человеческой природы Логоса Воплощенного с Его

Ипостасным естеством) ничто не препятствовало богослужебному прославлению знаменательных событий в земной жизни Иисуса Христа. К этому времени и относится появление Сретения Господня в качестве самостоятельного владычного (то есть господского) праздника годового цикла в календарях столичных Церквей: Рима (конец V в.) и Константинополя (1-я половина VI в.).

Последний аккорд Рождества

Праздником Сретения Господня завершается цикл рождественских торжеств и воспоминаний, посвященных прославлению явившегося в мир Богочеловека (Тэантропос) Иисуса Христа.

История рождественского цикла и его литургического становления весьма сложна и, из-за скудости источников, выяснена лишь в своих общих чертах. Исторически несомненным является то, что из некоего синтетического праздника Тзофании (Богоявления), включавшего в себя целый ряд смысловых аспектов, вырастает постепенно цикл исторических воспоминаний: Рождество в Вифлееме, Крещение на Иордане, Встреча (Сретение) в Храме Иерусалимском. В него включены и менее торжественные праздники, являющиеся как бы производными от этих основных: Неделя святых праотцов (за два воскресенья перед Рождеством Христовым), Неделя святых отцов (в воскресенье перед Рождеством), Собор Пресвятой Богородицы (на следующий день после Рождества, 26 декабря / 8 января), память святых и праведных Иосифа Обручника, царя Давида и Иакова, брата Господня (в первое воскресенье после Рождества; если Рождество приходится на воскресенье, то их память совершается на следующий день, вместе с Собором Богородицы), память Святых четырнадцати тысяч младенцев, избивенных в Вифлееме Иродом (29 декабря / 11 января), Обрезание

Господне (1/14 января), Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (на следующий день после Богоявления, 7/20 января), память Праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы (на следующий день после Сретения, 3/16 февраля).

Важно сознавать, что историческая цель и догматический смысл праздников рождественского цикла состоит не только в том, чтобы вспомнить во всех подробностях знаменательные факты земной жизни Иисуса Христа, но, прежде всего, в том, «чтобы выявить, понять и, насколько возможно, пережить тайну Слова, ставшего плотью» (Бернард Ботта). При этом праздник Сретения был в древности своего рода богослужебным «отданием» всего сорокадневного рождественского периода. Отсюда — его чрезвычайно высокий (в отличие от современного) литургический статус. Паломница Этерия, как мы помним, сравнивает его с Пасхой. О том же в риторически изысканной (хотя и несколько тяжеловатой) манере говорит и совершитель этого праздника пресвитер Исихий Иерусалимский (V в.). По его словам, «не ошибется тот, кто признает его [Сретение] праздником праздников, субботой суббот, назовет [его] святая святых. Ибо здесь сосредотачивается все таинство воплощения Христова и объясняется таинство воплощения Единородного Господа: в нем [Сретении] Младенец Христос был возвеличен и исповедан Богом, и, сидящий на руках [Симеона], как на престоле, был явлен Он — Творец нашего естества».

Это — апофеоз литургического прославления основополагающего догмата Христианства — Боговоплощения и Вочеловечения.

Сретение (Иосиф Бродский)

Анне Ахматовой

Когда Она в Церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.
И старец воспринял Младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
Младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке Храма.

Тот Храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.
И только на темя случайным лучом
свет падал Младенцу; но Он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.
А было поведено старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил:
«Сегодня,
реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это

Дитя: Он — Твое продолжение и света
 источник для идолов чтящих племен,
 и слава Израиля в Нем». — Симеон
 умолкнул. Их всех тишина обступила.
 Лишь эхо тех слов, задевая стропила,
 кружилось какое-то время спустя
 над их головами, слегка шелестя
 под сводами Храма, как некая птица,
 что в силах взлететь, но не в силах
 спуститься.

И странно им было. Была тишина
 не менее странной, чем речь. Смущена,
 Мария молчала. «Слова-то какие ...»

И старец сказал, повернувшись к Марии:
 «В лежащем сейчас на раменах Твоих
 паденье одних, возвышение других,
 предмет пререканий и повод к раздорам.

И тем же оружием, Мария, которым
 терзаема плоть Его будет, Твоя
 душа будет ранена. Рана сия
 даст видеть Тебе, что сокрыто глубоко
 в сердцах человеков, как некое око».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
 Мария, сутулясь, и тяжестью лет
 согбенная Анна безмолвно глядели.

Он шел, уменьшаясь в значении и в теле
 для двух этих женщин под сенью колонн.
 Почти подгоняем их взглядами, он

шагал по застывшему Храму пустому
 к белевшему смутно дверному проему.
 И поступь была стариковски тверда.
 Лишь голос пророчицы сзади когда
 раздался, он шаг придержал свой немного:
 но там не его окликали, а Бога
 пророчица славить уже начала.

И дверь приближалась. Одежд и чела
 уж ветер коснулся, и в уши упрямо
 врвался шум жизни за стенами Храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
 он, дверь отворивши руками, шагнул,
 но в глухонемые владения смерти.

Он шел по пространству, лишенному тверди,
 он слышал, что время утратило звук.

И образ Младенца с сияньем вокруг
 пушистого темени смертной тропой
 душа Симеона несла пред собою,
 как некий светильник, в ту черную тьму,
 в которой дотоле еще никому
 дорогу себе озарять не случалось.

Светильник светил, и тропа расширялась.

1972 г., март

ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА БУГРА

Проблема православного единства в Америке

**Доктор Пол Мейендорф, профессор литургической теологии
и редактор «Свято-Владимирского теологического журнала»
в Нью-Йорке**

Последний выпуск «Свято-Владимирского теологического журнала» публикует доклады, представленные на конференции «Экклесиология и национализм в эпоху постмодерна», которая прошла весной 2012 года в Академии теологических наук в греческом городе Волос. Наша конференция в Волосе была посвящена важнейшему вопросу в современном православном мире: мы говорили о взаимосвязи Церкви и государства, Церкви и национальности, Церкви и этнических групп. Эта тема особенно важна для Америки, если принять во внимание разлад американских православных деноминаций и непрерывный поиск решения проблемы раздробленности на протяжении последних 90 лет.

Я родился во Франции и переехал в Америку ребенком в 1959 году, в то время мой отец (известный богослов и историк Церкви священник Иоанн Мейендорф) стал преподавать в Свято-Владимирской семина-

рии. Неизбежно я оказался в центре событий 60-х годов, когда православное единство в США было главным на повестке, и на моих глазах происходили переговоры, которые завершились автокефалией Православной Церкви в Америке. Мой взгляд на православную Америку был сформирован Александром Шмеманом и моим отцом, и он заключается в стремлении к единству православия в Америке, а также существовании местной, автономной или автокефальной Церкви.

После греческой конференции я был удивлен, насколько по-разному ученые-теологи и официальная Церковь трактуют историю. С одной стороны, теоретики христианства согласны в том, что самоопределение Церкви по отношению к государству является важнейшей проблемой, во-вторых, все ученые едины во мнении, что для православия Северной Америки — так называемой диаспоры — необходимо единство. Но если посмотреть на этот же вопрос с позиций официальной Церкви, получается, что все совсем не так. Таким образом, мы сталкиваемся с настоящим раздвоением православной действительности: получается, что сами не соответствуем собственному богословскому видению.

Ситуация в Северной Америке радикально отличается от традиционно-православных стран, где православие является доминирующей религией, верой подавляющего большинства людей. Естественно, в этих странах возникает тесная связь между обществом, государством и Церковью. Главная опасность, однако, в том, что когда Церковь слишком сближается с государством, это приводит к таким проблемам, которые можно встретить в современной России — Церковь становится рупором государства, например, в вопросах внешней политики. Можно соглашаться с этой внешней политикой или нет... но что произойдет, если государство изменится, и внешняя политика тоже поменяется? Когда Церковь слишком завязана в политических интригах, она в пер-

спективе теряет уважение и доверие людей.

В США ситуация другая, прежде всего, потому что конституцией закреплено разделение Церкви и государства, но еще и потому, что православные у нас составляют лишь небольшую долю — один, может быть, два процента населения. Наша же главная проблема в достижении единства и необходимости создания поместной православной Церкви, свободной от контроля, так сказать, со стороны других Церквей, многие из которых контролируются государством. В этом как раз и состояла первоначальная идея для нашей автокефалии в 60-х и 70-х годах. Почему получилось по-другому?

После октябрьской революции в России Северо-Американская Митрополия, которая представляла собой остатки старой русской миссии, стала автономной де-факто. В месте с тем, ее канонический статус подвергался сомнению, она не была признана всеми другими православными Церквями, хотя мы и находились в общении с ними. В 60-х годах мы предприняли отчаянную попытку добиться полноты канонического признания и в первую очередь обратились к Константинополю, чтобы понять можем ли мы подпасть под их крыло. Они даже отказались встречаться, намекнув, что ваша проблема — это проблема отношений с Россией, поэтому обращайтесь туда.

Так начались переговоры с Русской Православной Церковью, от которой мы и получили автокефалию. Конечно, мы не желали становиться частью Русской Церкви, которая в то время контролировалась коммунистическим правительством, но мы так же не могли решить нашу проблему через Константинополь, поэтому автокефалия оказалась как бы «ненарочной».

В то время мы были готовы идти на любые уступки, потому что надеялись, что получение автокефалии приведет к воссоединению

всех православных в стране в одной автономной или автокефальной Церкви и созданию территориальной Церкви в Северной Америке. До сих пор это видение остается лишь нашей мечтой, и, к сожалению, ситуация на Епископском соборе такова, что не все разделяют наши надежды. Ирония в том, что единственная Церковь, которая согласна с нами в вопросе создания единой территориальной Церкви, — это Вселенский патриархат (Константинопольская Церковь). Однако мы уверены, что Церковь не может строиться на национальных принципах, а только на территориальном, поэтому не согласны с Константинополем в механизме предоставления автокефалии, то есть создания местной Церкви. Как раз этот вопрос сейчас является главным в обсуждениях на Епископском соборе в США.

Альтернативная нашей точка зрения базируется на национальном церковном устройстве. Церковь в этом случае представляется единством, которое позволяет этнической группе, скажем, русским, сербам, болгарам, поддержать свою национальную идентичность и связи с матерью-Церковью, а следовательно, и с православными на родине. Например, Русская Православная Церковь считает себя Церковью для русских на территории России, но и для всех по происхождению русских, которые сознательно передают себя под ее юрисдикцию. Фактически эта позиция является обоснованием колониальной структуры управления Церковью, которая, очевидно, делает объединение Церкви на какой-нибудь территории невозможным — особенно в Америке. Парадоксально, но этот взгляд радикально отличается от традиционно-православного понимания Церкви и еkkлезиологии, — то есть обычной церковной структуры и организации.

Все больше людей обращаются к православию в Америке, а получается, что мать-Церковь и так называемая диаспора все дальше отда-

ляются. Может ли еще все измениться? Следует признать, что динамика в переговорах, которая наблюдалась в 60-х годах, когда все наперебой говорили о единстве православия и необходимости создания местной Церкви, пошла на спад. Голоса единения уже не столь слышны, как в те времена, когда глава православных греков в Америке архиепископ Иаков был председателем конференции в Лигионье. Тот собор мог бы стать переломным и привести к объединению американских православных Церквей. Чем это закончилось в реальности? Владыка Иаков был спешно отправлен на покой, и с тех пор все менялось только к худшему.

Была еще надежда, что Епископский собор сможет поддержать наше видение и воплотить его в жизнь, но мне кажется, события последнего года дали понять, что многие матери-Церкви не желают смягчить свою позицию и не разделяют наше видение. Важнейшая задача для нас состоит в поддержании здоровой дискуссии вокруг этой проблемы. Надеюсь, при этом мы можем сохранить свое понимание вопроса и не потерять чувство остроты ситуации. Если бы наши епископы действительно поверили в возможность единства, объединение могло бы произойти. Мы были очень близки к этому после встречи в Лигионье, и у нас достаточно епископов, чтобы созвать местный собор. Епископы должны просто сказать: давайте соберемся и создадим местный синод, а матерям-Церквам представим уже свершившийся факт создания новой Церкви.

Если обратиться к истории, именно так и создавалась большая часть автокефалий. Обычно они уже существовали по 20–30 лет, и потом только признавались всей Церковью. Даже Русскую Церковь признали на соборе лишь после 150 лет существования автокефалии Русской Православной Церкви. Другими словами, процессы в православии идут своим собственным темпом, а не так быстро, как хотелось бы. Нам

же остается только надеяться и молиться, но иногда быть отважными и предприимчивыми и бороться за свои интересы.

СВЯТЫЕ

Горе от ума. (Как опасно быть на Руси ученым)

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

3 февраля (21 января по ст. ст.) — память преподобного Максима Грека (род. около 1470–12.XII.1555), одного из образованнейших людей своего времени, знаменитого деятеля русского Просвещения XVI столетия, поплатившегося за свою европейскую ученость и человеческую порядочность многолетним заточением в монастырской темнице. Михаил Триволис — таково светское имя Максима Грека — родился в Арте в аристократической греческой семье Триволисов. В 1490–1491 годах он баллотировался (неудачно) в состав совета острова Корфу, а через год направился в Италию, где получил блестящее университетское образование. Поначалу он обосновался во Флоренции, где познакомился с Анджело Полициано, Марсилио Фичино и другими прославленными итальянскими гуманистами эпохи Возрождения. Он также учился у известного гуманиста Иоанна Ласкариса; побывал в Болонье, Падуе, Милане, Венеции. Но самым сильным впечатлением стали для него про-

поведи Джироламо Савонаролы, гибель которого в 1498 году Максим Грек описал, уже находясь в Московии («Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве»). Очевидно, под влиянием Савонаролы он решил постричься в доминиканском монастыре Сан-Марко, но пробыл там недолго (1502–1504). Выученик итальянских гуманистов переехал на Афон и постригся в Ватопедском монастыре в монахи с именем Максим. В жизни Михаила-Максима произошел перелом: он отрекся от своих прежних увлечений, чтобы полностью сосредоточиться на богословии, хотя отзвуки культуры Ренессанса будут звучать во многих его позднейших работах.

Но спокойная жизнь продолжалась недолго: в 1516 г. по запросу великого князя Василия III Максим Грек приехал в Москву для перевода Толковой Псалтири. Когда работа была закончена (видимо, в 1522 г.), то ученого старца, несмотря на его специальное прошение, не отпустили обратно на Святую Гору, но оставили в Москве для перевода и исправления других книг. Были и иные мотивы, о которых Максиму в порыве откровенности поведал его московский знакомый Берсень Беклемишев: «Пришел еси сюда, а человек еси разумной, и ты здесь уведал наше добрая и лихая, и тебе, там пришед, все сказывати!» В 1525 году московские церковные и светские власти несправедливо обвинили Максима Грека в ереси и заточили в темницу Иосифо-Волоколамского монастыря, добавив также обвинение в шпионаже в пользу Турции. (Это нам хорошо знакомо по новейшей истории!) В 1531 году последовали новые обвинения, в частности, в «порче» богослужебных книг. Происшедшее было почти неизбежно при низком культурном уровне большинства окружавших Максима Грека людей. Многие ему завидовали и ненавидели за обличения. Немногочисленные сторонники ученого монаха-гуманиста, явно опережавшего свое время, были

не в состоянии защитить его. Лишь в 1551 г. (или несколько ранее, в 1547–1548 г.) с него сняли церковное запрещение и перевели в подмосковный Троице-Сергиев монастырь (позднее — лавра), где он умер, скорее всего, в декабре 1555 года и где покоятся его мощи (обретены в 1996 г.). (Традиционная дата памяти Максима Грека, 21 января 1556 года по юлианскому календарю, приурочена ко дню памяти его небесного патрона — св. Максима Исповедника).

Преподобный Максим Грек стал жертвой своей учености и моральной порядочности. В России умных людей при необходимости умело используют, но обращаются с ними совсем не по-людски. Потребовалось «всего лишь» четыре с половиной столетия, чтобы Русская Церковь воздала ему должное, причислив к лику святых. Что ж, как сказал русский поэт, «любить мы умеем только мертвых». Не так давно ученый грек стал героем художественного произведения — романа Мицоса Александропулоса «Сцены из жизни Максима Грека» (М., 1980).

Литературное наследие Максима Грека весьма многогранно и насчитывает более трехсот наименований книг. Многие работы до сих пор не опубликованы и ждут своего часа. По словам Александра Пыпина, одного из исследователей его творчества, Максим Грек явился в истории древнерусского образования «первым посредствующим звеном, которое соединило старую русскую письменность с западной научной школой».

Поэт и богослов

«Кто я? Отколе пришел? Куда направляюсь? Не знаю.

И не найти никого, кто бы наставил меня»

(св. Григорий Богослов)

В истории Римской империи четвертое столетие ознаменовалось резким переломом общественного сознания, наступившим вслед за легализацией гонимого ранее христианства. Адептами новой религии становились выдающиеся мыслители, прошедшие классическую выучку в лучших языческих философских и риторических школах. Одним из таких «античных христиан» был св. Григорий Назианзин (ок. 330–ок. 390), уроженец малоазийской области Каппадокия (память 25 января / 7 февраля). Наделенный даром слова, Григорий воплотил его в своих удивительных проповедях, за что получил титул «Богослова» и стал вторым святым с этим именем после любимого ученика Иисуса Христа апостола Иоанна.

При этом Григорий совсем не был похож на традиционного лубочного «святителя», не знающего отчаяния и страхов, присущих интеллигенту. Рафинированный, тонкий и самоуглубленный человек, ставший церковным сановником лишь по воле своего властного друга, Василия Кесарийского (Великого), он менее всего был предназначен для карьеры церковного сановника. Это был кабинетный мыслитель и проникновенный поэт, продолживший лучшие традиции древнегреческой лирики, автор более четырехсот стихотворений. Жанры его лирики разнообразны: эпиграммы, дружеские или гневные, краткие, меткие гномы (изречения), большие поэмы, гимны. Григорий умел говорить о личном словами, приобретающими общественный резонанс и непреходящую общечеловеческую значимость. Так, гневная инвектива на одного длинноволосого недоучку-кинника (клирики носили короткие волосы), ставшего путем интриг епископом, вырастает в сатиру на светское и духовное общество, в котором

«...по углам разогнаны

Способности, и доблесть затирается!

Зато победоносное невежество

Чуть рот раскроет, дерзостью одной берет!»

В 379 г. Григорий становится главой Константинопольской Церкви, но уже через два года слагает с себя высокий сан и удаляется в изгнание. Он сознает, что ему плохо удастся роль придворного архиерея-политика. Скромная жизнь и отсутствие у Григория вельможных привычек казались многим несовместимыми с положением столичного патриарха, непростительным «сумасбродством», невыносимым укором собственному образу жизни. К этому присоединялась внутренняя свобода и независимость интеллектуала и поэта перед лицом власть предержащих: «Желаю чтить престолы, но только издали!»

Покидая столицу и обращаясь последний раз к сановным представителям II Вселенского собора (381 г.), Григорий так изъяснил свое несоответствие занимаемому им ранее высокому сану: «На меня неприятно действует приятное для других, и увеселяюсь тем, что для других огорчительно. <...> Может быть, и за то еще будут порицать меня (ибо уже и порицали), что нет у меня ни богатого стола, ни соответственной сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении. Не знал я, что мне следует входить в состязание с консулами, правителями областей, знатнейшими из военачальников, которые не знают, куда расточить свое богатство, — что и мне, роскошествуя из достояния бедных, надобно обременять свое чрево, необходимое употреблять на излишества, изрыгать на алтари. Не знал я, что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выситься на колеснице, — что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться предо мною, как пред диким зверем, как скоро даже издали увидят идущего. Если это

было для вас тяжело, то оно прошло. Простите мне эту обиду. Поставьте над собой другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога!»

Дальнейшая жизнь Григория, прошедшая в провинциальной глуши, неизвестна. Но остались его ученые трактаты и письма, богатейшее лирическое и эпистолярное наследие, еще ждущее перевода на современный русский язык. Остался вечный пример духовного благородства, обращаясь к которому можно лишь скептически улыбнуться, наблюдая вокруг себя суесящихся карьеристов в рясах и камзолах, словно бы только что вышедших из-под пера каппадокийского лирика.

БИБЛИОТЕКА

Глава из сборника публикаций «Эссе»

Гилберт Кит Честертон

Если бы мне дали прочитать только одну проповедь, я говорил бы о гордыне.

Чем больше я живу, чем больше вижу, как живут и пытаются жить в наше время, тем более убеждаюсь в правоте старого церковного учения о том, что все зло началось с притязания на первенство, когда само небо расколосось от одной высокомерной усмешки.

Как ни странно, почти все отвергают это учение в теории и принимают на практике. Современным людям кажется, что богословское понятие гордыни бесконечно далеко от них; и если говорить о богословском понятии, то так оно и есть. Но суть его, сердцевина бесконечно им близка, потому они и не могут его разглядеть. Оно вплелось в их мысли, поступки и навыки, я даже сказал бы, слилось с их телом, и они принимают его, сами о том не ведая. Нет на свете истины, столь чуждой всем в теории и столь близкой на деле.

Чтобы в этом убедиться, проведем не очень серьезный, хотя и до-

вольно приятный опыт. Представим себе, что читатель (а еще лучше — писатель) отправился в кабак или другое место, где встречаются и болтают люди. На худой конец сойдут и трамвай, и метро, хотя в них, конечно, нельзя болтать так долго, как в старом добром кабаке.

Во всяком случае, представим себе место, где собираются люди, большею частью бедные (ведь бедных на свете больше), иногда — относительно обеспеченные, но все до единого, как говорят наши снобы, простые.

Представим себе, что экспериментатор, вежливо приблизившись к ним, скажет непринужденно: «По мнению богословов, промыслительная гармония была нарушена, а радость и полнота бытия — замутнены, когда один из высших ангелов перестал довольствоваться поклонением Господу и пожелал сам стать объектом поклонения».

Потом он обведет слушателей выжидательным взглядом, но одобрения не дождется. Можно смело предположить, что отклики не будут отличаться связностью, а догматической ценности и поучительности а них окажется не больше, чем в нашем обязательном образовании. Более того, если экспериментатор выразит эту истину проще и скажет, что гордыня — тягчайший из смертных грехов, недовольным слушателям покажется, что он лезет к ним с проповедью.

На самом же деле он сказал им то, что думают они сами или, в худшем случае, хотят, чтобы думали другие.

Представим себе, что экспериментатор не успокоился на этом. Представим себе, что он — или, допустим, я — выслушает и, может быть, даже запишет в блокнот то, о чем говорят эти самые простые люди. Если он настоящий ученый с блокнотом, вполне может статься, что он до сих пор никогда не видывал обычных людей.

Однако, если он внимательно к ним отнесется, он заметит, что

и о друзьях, и о недругах, и просто о знакомых они говорят приблизительно в одном и том же тоне — незлобиво и обстоятельно, хотя никак не беспристрастно.

Он услышит немало ссылок на всем известные слабости, которые есть у Джорджа, и немало оправданий им, и даже уловит оттенок гордости в рассказе о том, как Джордж напился и провел полисмена. Он узнает, что о прославленном дураке говорят с почти любовной усмешкой; и чем беднее собравшиеся, тем более проявят они истинно христианской жалости к тем, кто «влип».

И вот, по мере того как всех этих грешников вызывает из небытия заклинание сплетен, экспериментатор начинает догадываться, что один тип людей, по-видимому только один тип, может быть только одного человека здесь не любят. О нем говорят иначе; стоит назвать его — и все замкнутся, и в комнате станет холодней.

Такая реакция удивит ученого, тем более что ни одна из общественных или антиобщественных теорий нашего века не подскажет, чем же этот человек плох. Наконец ему удастся вывести, что одиозное лицо ошибочно полагает, будто вся улица или даже весь мир принадлежит ему. И тут кто-нибудь скажет: «Вздумал, видите ли, что он сам Господь Бог!»

Тогда ученый может закрыть свой блокнот и покинуть место опыта, заплатив, конечно, за напитки, заказанные в научных целях. Он доказал свой тезис. Он нашел то, что искал. Полупьяный кабацкий завсегдатай с безупречной точностью повторил богословское определение сатаны.

Гордыня — столь сильный яд, что она отравляет не только добродетели, но и грехи. Именно это чувствуют люди в кабаке, когда, оправдывая бабника, мошенника и вора, осуждают того, кто, казалось бы, так похож на Господа. Да и все мы, в сущности, знаем, что коренной

грех — гордыня — утверждает другие грехи, придает им форму.

Можно быть легкомысленным, распутным, развратным; можно, в ущерб своей душе, давать волю низким страстям — и все же в кругу мужчин прослыть неплохим, а то и верным другом.

Но если такой человек сочтет свою слабость силой, все тут же изменится. Он станет соблазнителем, ничтожнейшим из смертных и вызовет законную ненависть других мужчин.

Можно по своей природе быть ленивым и безответственным, забывать о долгах и долге, нарушать обещания — и люди простят вас и поймут, если вы забываете беспечно.

Но если вы забываете из принципа, если вы сознательно и нагло пренебрегаете своими обязанностями во имя своего таланта (вернее, веры в собственный талант), если вы полагаете, что вам, натуре творческой, должны платить дань презренные трудящиеся люди, тогда, в полном смысле слова, это черт знает что.

Даже скупец, стыдящийся своего порока, куда милей и понятней богача, зовущего скупость бережливостью, умением жить или умеренностью вкусов. Скажу больше: приступ физической трусости лучше трусости принципиальной; я пойму того, что поддался панике и знает об этом, но не того, кто, умывая руки, разглагольствует о миролюбии.

Мы потому и ненавидим чистоплюйство, что это — чистейший вид гордыни.

Но, как я уже говорил, отношение к гордыне не так просто. Учение о гордыне как о зле, особенно о духовной гордыне, считают в наши дни мистической чушью, ничем не связанной с простой и практичной современной этикой. На самом же деле это учение особенно важно для практической этики.

Ведь, насколько я понимаю, основной ее принцип — сделать всех

счастливыми; а что мешает чужому счастью больше, чем гордыня? Практическое возражение против гордыни — то, что она огорчает и разъединяет людей не менее, если не более очевидное, чем мистическое.

Однако хотя с осуждением гордыни мы сталкиваемся на каждом шагу, мы почти ничего не слышим и не читаем о ней. Более того, почти все книги и теории стимулируют гордыню.

Сотни мудрецов твердят без устали о самоутверждении; о том, что у детей надо развивать индивидуальность, какой бы она ни была; о том, что всякий человек должен добиваться успеха, а добившись, укреплять свою власть над людьми; о том, как стать сверхчеловеком (подробности письмом), и наконец, о том, как особенно исключительный сверхчеловек смотрит сверху вниз на обычных сверхлюдей, которые так расплодились в нашем странной мире.

Короче говоря, в теории мы изо всех сил поощряем самодовольство. Но не надо беспокоиться. На практике, как и прежде, мы его не поощряем. Сильная магнетическая личность вызывает у близких знакомых одно желание: поскорей от нее отделаться. Ни в клубе, ни в кабаке не любят острых приступов самоутверждения.

Даже самый изысканный и модный круг видит сверхчеловека насквозь и называет его чаще всего кретином. Да, апология гордыни не выдерживает критики в жизни, а не в книгах.

Моральное чутье и практический опыт современных людей опровергает модную ересь всюду, где двое или трое собрались хотя бы во имя свое.

И еще одной вещи учит нас опыт. Все мы знаем, что есть на свете самоупоение — штука куда более неприятная, чем самокопание. Оно неуловимее и в то же время опаснее, чем все духовные немощи. Говорят, оно связано с истерией; не знаю, мне часто кажется, что оно связано

с бесовским наваждением.

Человек, одержимый им, совершает сотни поступков по воле одной только страсти — снедающего тщеславия. Он грустит и смеется, хвастает и скромничает, льстит и злословит или сидит тихо только для того, чтобы, упаси Боже, не забыли восхититься его драгоценной особой.

Я всегда удивляюсь: как это в наше время, когда столько болтают о психологии и социологии, об ужасах детской дефективности, о вреде алкоголя, о лечении неврозов — словом, о сотнях вещей, которые проходят на миллиметр от истины и никогда не попадают в цель, — как же в наше время так мало знают о душевном недуге, отравляющем чуть ли не каждую семью, чуть ли не каждый кружок друзей?

И вряд ли кто-нибудь из практиков-психологов объяснил этот недуг столь же точно, как священники, издавна знающие, что себялюбие — дело ада. В нем есть какая-то особенная живучесть, цепкость, благодаря которой кажется, что именно это односложное, забытое слово подходит тут лучше всего.

Интеллигенты предпочитают толковать о пьянстве и курении, о порочности рюмки и тлетворном влиянии кабака. Но худшее в мире зло воплощено не в рюмке, а в зеркале, не в кабаке, а в той уединенной комнате, где человек рассматривает себя.

Должно быть, меня не поймут; но я бы прежде всего сказал бы моим слушателям, чтобы они не наслаждались собой. Я посоветовал бы им наслаждаться театром или танцами, устрицами и шампанским, гонками, коктейлями, джазом, ночными клубами, если им не дано наслаждаться чем-нибудь получше. Пусть наслаждаются многоженством и кражей, любыми гнусностями — чем угодно, только не собой.

Люди способны к радости до тех пор, пока они воспринимают что-нибудь, кроме себя, и удивляются, и благодарят. Пока это от них

не ушло, они не утратят тот дар, который есть у всех нас в детстве, а взрослым дает спокойствие и силу.

Но стоит им решить, будто они сами выше всего, что может предложить им жизнь, всеразъедающая скука овладеет ими, разочарование их поглотит, и все танталовы муки ждут их.

Конечно, нас может сбить с толку многозначность слова «гордиться» — ведь «гордость» и «гордыня» не одно и то же. Мы часто говорим, что муж гордится женой, или народ — героем; но в этих случаях речь идет совсем о другом чувстве.

Человек, гордящийся чем-либо, существующим вне его, признает предмет своей гордыни и благодарен ему. И точно так же слово может сбить с толку, если я скажу, что из всех многочисленных черт настоящего и будущего хуже и опаснее всего наглость.

Ведь под наглостью мы нередко понимаем очень смешные и веселые свойства — например, когда говорим о наглости уличных мальчишек.

Но если, приблизившись к важному господину, вы нахлобучили ему цилиндр на нос, вы не хотите этим сказать, что вы, вы сами, выше человеческих глупостей; наоборот, вы признаете, что вполне им подвластны, да и ему не мешало бы к ним приобщиться.

Если вы толкнули герцога в живот, вы совсем не хотите сказать, что принимаете всерьез себя, вы просто не приняли всерьез ни себя, ни герцога. Такую наглость легко осудить, она открыта критике, беспомощна и не всегда безопасна.

Но есть наглость другая — холодная наглость души, и тот, кому она свойственна, считает себя намного выше людского суда.

Немало представителей нового поколения и последователей новых школ страдают этой слабостью. Ведь это — слабость; такой

человек беспрерывно верит в то, во что даже дурак верит урывками: он считает себя мерой всех вещей.

Гордый примеряет все на свете к себе, а не к истине.

Вы не горды, если хотите что-то хорошо сделать или даже хорошо выглядеть с общепринятой точки зрения. Гордый считает плохим все, что ему не по вкусу. В наше время развелось немало и конкретных, и абстрактных мерок; но молодые люди (и даже молодые женщины) все чаще и чаще считают меркой себя, просто потому что не нашлось мало-мальски достойного веры эталона.

Однако «я сам» — очень мелкая мера и в высшей степени случайная. Так возникает типичная для нашего времени мелочность, особенно свойственная тем, кто кичится широтой взглядов.

Скептик думает, что он широк для прежних, казалось бы, крупных мерок, и в конце концов сковывает себя тиранией микроскопических эталонов.

Если бы мне дали прочитать только одну проповедь, я без всякого сомнения не счел бы дело сделанным, если бы не убедился, что же, по-моему, спасает от этих зол.

Я убедился, что в этом вопросе, как и в тысяче других, Церковь права, а все другие нет. И я уверен, что без ее свидетельства люди совсем забыли бы тайну, поражающую одновременно и здравомыслием, и тонкостью.

Я, во всяком случае, не слышал ничего путного об активном смирении, пока не попал в лоно Церкви; а даже то, что я любил сильнее всего на свете — свободу, например, или английские стихи, — все больше сбивается с пути и блуждает в тумане.

Наверное, для проповеди о гордыне нет лучшего примера, чем патриотизм.

Это одно из самых благородных чувств, когда патриот говорит: «Достоин ли я Англии?» Но стоит ему высокомерно сказать: «Я — англичанин!», и патриотизм обратится в гнуснейшее фарисейство.

Мне кажется, не случайно именно в католических странах — Франции, Ирландии, Польше — флаг для патриота — пламенный символ, много более ценный, чем он сам; в странах же, особенно чуждых католичество, патриот восхищается своей расой, своим племенем, кровью, типом и собой как их представителем.

В общем, если бы мне дали прочитать только одну проповедь, я сильно рассердил бы собравшихся — ведь Церковь всегда и везде бросает вызов.

Если бы мне дали прочитать одну проповедь, вряд ли меня попросили бы прочитать вторую.

Эту и другие книги Честертона можно скачать на портале «Предание.Ру».

КУЛЬТУРА

ПОД СВЕТОМ СЛОВА

Геннадий Русаков публиковал в «Знамени» свои «Разговоры с Богом» в течение семи лет, с 1996 по 2002 год. Первая же публикация была отмечена премией журнала. В 2003 году этот корпус стихотворений вышел отдельной книгой.

Русаков родился и вырос в сталинские годы, пережил смерть родителей в войну и детский дом. Впоследствии служил переводчиком-синхронистом за границей, состоял в партии, причисляя себя к людям неверующим. Началу разговора поэта с Богом предшествовала смерть жены — поэта Людмилы Копыловой — и пятилетнее молчание. В одном из интервью Геннадий Александрович рассказывает об этом так: «Не знаю, есть ли Бог. Просто впервые именно в нем я нашел собеседника, с которым можно говорить обо всем на том пределе честности, который редко возможен между людьми, — потому что он видит и знает, все поймет и простит. У меня нет никого другого, кто был бы так высок и от кого можно ждать, добиваться всех ответов».

Временами поэт в своем обращении к Господу бывает настойчив и даже яростен, напоминая то библейского Иова, то Вениамина

Блаженного — великого юродивого русской поэзии XX века. Если даже в каких-то стихах цикла нет прямого обращения к Богу, Его присутствие ощущается нами — так же как присутствие героини, отнятой смертью. Под этим двойным освещением мир отчетлив, резок, исполнен смысла едва ли не в каждом «разговоре», даже если перед нами простой деревенский пейзаж или, на первый взгляд, непритязательная сезонная зарисовка.

Вадим Муратханов

Геннадий Русаков

Разговоры с Богом

Ты, бог простых вещей, зверей и птиц пернатых,
владыка вод и кущ, водитель муравьев,
кому же, как не мне, бродить в твоих пенатах
и сравнивать нектар на качество ручьев!
Ты позови меня, а я приду и буду —
на цыпочках, тишком: пусть херувимы спят.
Вон двое невзначай крылом задели Люду,
похожие во сне, с затылка, на опят.
Вон стая голубей куда-то пролетела.
Архангел прошуршал, оставив в небе след:
пространство бережет перемещенья тела
и помнит, кто где был, кого там больше нет.
Хозяин сизых трав, бегущих нашим лугом,
полевок и кротов, что тихо роют тьму!
Возьми меня к себе пускай не по заслугам,
а просто за любовь к творенью твоему.

*

И как ты все, ей-богу, ловко:
во весь июнь раздвинул свод,
телка поставил на веревку,
наладил молокозавод.
Пчела по графику летает,
запоминая свой маршрут.
Над Каблучками облак тает.
В проулке свиньи громко жрут.
А ты уже наполнил лужи
и в пруд насыпал плавунцов.
И, значит, я тебе не нужен
хотя б до первых огурцов.

*

Душа молчит. Она себя забыла.
Отмельтешила. Отмотала срок.
Отмучилась, вернее — отлюбила.
Исполнила положенный урок.
Уйдите все, ее ничто не тронет.
И перед обезумевшей страной
она лишь руки, страшная, уронит,
но не пойдет искать себе иной.

*

Опять лило. Окно рыдало.
За домом плакали сады.
И черноплодка проседала

под грузом ягод и воды.
Шла репетиция потопа.
Село встречало смертный час,
блаженным запахом укропа,
как будто ладаном, сочась.
И, ничего не понимая
в своей старушечьей судьбе,
кричала яблоня немая,
взывая, господи, к тебе.
И как же, помнится, хотелось
помочь дурехе уцелеть!
(Хоть это, боже, мягкотелость —
старух и яблони жалеть...)

*

Кто жил однажды — будет жить всегда.
Ничто не завершается с распадом.
Не плоть — одушевленная вода,
так наши души снова будут рядом.
И минет срок, и будет срок другой.
И взгляд меня толкнет тихонько
в спину.
И прежний голос скажет: «Дорогой...»
А я опять лицо к нему закину.
И ослепит меня последний свет,
и вот уже дыхание отлетело...
Кто жил однажды, знает: смерти нет.
И лишь болит покинутое тело.

*

Какие странные погоды
 стоят в отечестве моем,
 когда молчат леса и воды,
 и светозарен окаем,
 когда картошка отцветает
 и, как заблудшая душа,
 слепая бабочка летает,
 сухими крыльями шурша,
 когда редисом пахнет воздух
 и спеют ранние харчи.
 И на своих фамильных гнездах
 сидят безмолвные грачи.

*

Мне не нужен никто, но, пожалуйста, не уходите:
 пусть кряхтят половицы и кто-нибудь дышит живой
 И у господ бога когда-то имелся родитель —
 чтоб к кому-то кидаться и тыкаться в грудь головой.
 И у господ бога осталась, наверно, привычка:
 просыпаясь, тянуться поверх нерасклеенных глаз
 к той, чей голос когда-то запомнила малая птичка
 и с тех пор под окошком ему свиристит каждый раз.
 Что мне делать, владыка, ты там одинокий и старый,
 бедный, бедный, на что же твой причт и небесная рать?
 Ты и нас-то придумал (и эти звериные пары),
 чтоб ночей не бояться и в шумные игры играть...

*

Мой август завершает превращения.
 Вернулась соразмерность бытия.
 Опять весь день распластывались тени
 на две длины амбаров и жилья.
 Опять пестрели веток отпечатки
 крест-накрест или кучкой, в кулачок.
 На кукурузе трескались початки,
 поскрипывал фасолевый стручок.
 Блаженный месяц бесполезных знаний...
 Затихла плоть и кровь уже слаба.
 Но входит время новых начинаний,
 отодвигая волосы со лба.
 И все еще возможно — на немного.
 И все еще продлится — на чуть-чуть.
 Хотя в Озеры ближняя дорога —
 уже почти неодолимый путь.

*

Вот я, сочась слезами и слюной,
 как Иов, жду у твоего порога.
 Неужто ты, владыка, и со мной
 опять начнешь свое – про носорога?
 Про мощь твою?
 Про то, как входишь в раж —
 моря врасхлыст и в тряске
 твердь земная?
 А ни к чему мне, господи, кураж:

я без того твою десницу знаю.
 Я знаю: был простуженный июнь
 и год по счету ровно девяностым.
 Была трава в ту ночь седа, как лунь,
 и удивляла непривычным ростом.
 Я спал, она дремала после мук.
 И ты вошел, и взял, и кинул оземь.
 И выгнулась она — господень лук! —
 и обнажила тело на морозе...
 ...У, страшный бог, верни —
 ты взял мое!
 Я отыщу управу и на бога!
 И я не лук — я, господи, копье!..
 Ну, а теперь давай про носорога.

*

Бог судит не за явное — за тайное:
 мы в явном утомительно пресны.
 Он судит наши помыслы летальные
 и наши богохульственные сны.
 Вот он до петухов, до голошения,
 поблескивая дужками очков,
 заносит в книгу наши прегрешения
 и сбоку помечает: «Русаков».
 Потом сидит, похрустывая кедами.
 Потом бумагу комкает в горсти.
 И тихо плачет над моими бедами,
 которых и ему не отвести.

*

Когда ты смотришь вниз с твоих небес
 из той, другой, уже не нашей выси,
 где тоже есть река, поля и лес,
 а буквы ходят в хороводе чисел, —
 подай мне знак оттуда, с высоты,
 когда глядишь в лицо мое слепое —
 и я пойму, что это снова ты,
 а не январь швыряется крупую.
 И потянусь, ища какой-то след,
 и обомру до благодарной дрожи,
 в который раз за эти девять лет
 ловя твоё дыхание на коже.

Книги Геннадия Русакова «Разговоры с богом» (Томск; Москва: Водолей, 2003), откуда взяты стихи предложенной подборки, и «Избранное» (М.: Время, 2008) вы можете приобрести в интернете и в книжных магазинах.

ОПЫТЫ

Да будет воля Твоя

Сергей Пушкарев

Ехал я как-то в метро рано поутру. В вагоне было еще совсем мало людей, я присел на скамью и принялся разглядывать плакаты с рекламой. На какой-то очередной станции в вагон вошел долговязый мужчина лет сорока с окладистой бородкой, в руках держал саквояж, а под мышкой толстенную книгу. Человек присел рядом, поставил саквояж на пол и принялся читать свою книгу.

Мне стало очень интересно, что за труд он штудировает. И я, тихонечко пододвинувшись к человеку, заглянул в книгу и, как вы можете догадаться, увидел фигу. Текст был на языке мне незнакомом, но набран красивым древним шрифтом, по-латински или по-гречески, в общем, я не понял...

Я человек скромный, к людям приставать не люблю и чего смущать глупыми вопросами, но тут что-то не удержался и решил спросить, что же он читает? На что тот ответил, что он врач-гомеопат и изучает рецептуру и методики врачевания по этой книге и добавил, что язык

в книге греческий.

Меня давно занимала тема гомеопатии. Гомеопатия — это (если кто не знает) такие крохотные сахарные шарики с бусину размером, содержащие в себе микроскопические дозы какого-то зелья.

Хоть я сам и применял эти средства когда-то, все же скептически к этому относился, ну сами посудите, мне дается сахаринка, в которой лекарства с былинку, да еще и принимать это следует не чаще чем раз в месяц, ну не бред? Окончательно меня разуверил в гомеопатии один мой знакомый, который высказался, что это все шарлатанство и работает эффект плацебо, как такового лекарства больной не получает и это психологическое успокоение, где на самом деле ставка только на иммунитет — справится или нет.

И вот сижу я с этими мыслями, а рядом сидит взрослый человек — доктор — читает толстенную книгу на иностранном языке и выглядит как минимум серьезным и интеллигентным человеком. И подумал я, что если сейчас не узнаю тайну гомеопатии от этого врача, то так и буду жить в скепсисе и сомнениях.

Я признался ему, что не очень доверяю гомеопатии, и что покоя мне не дает вопрос, как этот крохотный сахарный шарик исцеляет?

Человек этот поднял на меня взгляд, удивительно добрый, но в тоже время внимательный, как бы оценивая меня, после чего улыбнулся и сказал, что я полностью прав в своих догадках, и что шарики эти действительно блеф, и что это просто формальный атрибут психологического успокоения пациентов, но тем не менее, гомеопатия работает...

— Ну и как тогда? — спросил я.

Врач снова пристально посмотрел на меня, наклонился, открыл саквояж, я краем глаза увидел в нем какие-то рулоны с кармашками, в которых были вставлены маленькие пузырьочки с сахарными шарика-

ми, и вынул оттуда большую замятую с углов тетрадь. Открыл ее и протянул мне. В тетради в две колонки были написаны имена, а напротив имен какими-то знаками (подобными тем, что были в книге) пометки. Врач закрыл тетрадь и убрал ее снова в саквояж.

Я, недоуменно помотав головой, дал понять, что я ничего не понял.

Он пояснил:

— Сахарные шарики не при чем, я просто очень хочу, чтобы больной действительно поправился и молюсь об исцелении этого больного, а также о здоровье, душевном мире, любви и теплоте во взаимоотношениях в семье больного, так как я знаю имена и больного и его близких и детей, знаю немного истории их семейной жизни и уклад, это все помогает молитве быть внимательным, чутким. Каждое утро и каждый вечер с этой тетрадкой перед глазами, вознеся руки к небу, я молю Бога услышать слова мои и прошу исцелить болящих, внести мир и успокоить сердца близких и сострадающих им. И Он исцеляет...

— А почему тогда эта «гомеопатия» не всем помогает?

— Значит плохо молюсь...

Он замолчал. Я тоже сидел молча и в исступлении, а в вагоне мерцали лампы, и слышался свист, гул и грохот.

Поезд остановился на какой-то станции, двери открылись, бородач прищурив глаза, всмотрелся в вывеску, висящую на перроне, вдруг, всполошился, вскочил и захлопнув книгу выпрыгнул из вагона. Из-за стекла закрытых дверей он показал мне какой-то жест рукой, я привстал, подался вперед, но внезапно вагон дернулся и унес меня в тоннель

В тот момент, когда в голове еще звучало что-то типа: «Бред...» и «Как этих религиозных фанатиков берут в медицину», я, повернувшись к скамейке, увидел саквояж доктора, который он забыл на полу

у лавки. Саквояж был открыт, в нем лежали баночки с сахарными шариками и тетрадка с именами пациентов...

Вопрос. Что мне теперь делать? Сдать саквояж в бюро находок боюсь, там же описывают содержимое, вот примут еще в милицию за транспортировку наркотиков, я ведь не знаю, что врачи там таскают, ведь там этого загадочного зелья килограмм на пять. А с тетрадкой что делать?

Обращаюсь ко всем врачам-гомеопатам, которые могут прочитать эту статью, пожалуйста, если вы знаете этого доктора согласно моему описанию (долговязый, с бородкой, знает греческий, рукава пиджака явно ему коротки, ездит в метро по оранжевой ветке), передайте ему ссылку на эту статью, саквояж и тетрадку я пока держу у себя и, если он свяжется со мной, я с удовольствием верну ему его вещи.

Пока читаю тетрадку за него. Перед списком имен есть текст, похоже, как в книге, которую доктор читал в метро, никто случайно не знает, как переводится фраза или это просто набор формул из физики или химии с лямбдой, сигмой и альфой «Генефета то фелема Соу»?

А сколько зарабатывают врачи-гомеопаты?

ЭЛЕКТРОУГЛИ

*Константин Забродин, прихожанин Троицкого храма
в Электроуглях*

Интервью записала Кира Савенко

Родился я на Урале в военном городке Челябинск-115. Кругом красота. Отец закончил службу подполковником. Уволившись, решил — нужно подарить детям географию и фрукты. Так мы оказались в Днепрпетровске на Украине. Там он умер, и как раз к этому времени подоспел развал Союза. Мы с мамой крепко призадумались о том, чтоб выбраться в Россию, где вся родня. Хотели на Урал, но получилось так, что оказались в Подмосковье. Здесь закончил Московский Гуманитарный Университет по специальности социальная работа со специализацией «работа с молодежью». Поступил в аспирантуру на отделение «История Отечества». Успешно бросил ее и ушел служить в армию. Служил во внутренних войсках. В отдельной бригаде по охране особо важного государственного объекта, в общем, обычная служба — «через день на ремень». После армии работал в Доме детских общественных организаций правительства Москвы. Занимался в основном военно-па-

триотическими объединениями.

Сейчас женат, у меня дочка и сын.

Если подводить к моей нынешней деятельности, то тренироваться я начал с девяти лет. Тогда был бум боевых искусств и отец определил меня в секцию во — вьетнам-кунг-фу, где я и занимался. А страсть ко всевозможным пионерским лагерям и прочей детско-молодежной интересной жизни я унаследовал от мамы. Она всю жизнь этим занималась и на высоком, надо сказать, уровне. До сих пор вспоминает, как работала во всероссийском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок». Кстати, я тоже там работал, чем не устаю гордиться

В определенное время я увлекся рок-музыкой и, как это водится, потерял голову. Ездил по стране на электричках и автостопом, жил непонятно где, ел не понятно что, но играл музыку и общался с теми людьми, которых любил. Люблю, кстати, до сих пор. Играл я на барабанах и успел поучаствовать в нескольких группах разного направления. Самая известная из них группа «Азъ» — это дурной и залихватский панк-рок.

О военно-спортивном клубе «Стратилат». Что значит это название? Как оно связано с деятельностью клуба?

Стратилат — это крупный военачальник — воевода. Наш клуб носит имя великомученика Феодора Стратилата. Он жил в IV веке, отличался храбростью, совершил множество подвигов, управлял целой областью Римской империи. Во время гонений на христиан открыто и стойко исповедовал веру Христову, перенес жестокие пытки и умер мученической смертью. Прославлен в лике святых. Является покровителем христианского воинства.

Почему именно он? Дело в том, что основал центр патриотиче-

ского воспитания «Стратилат» Федор Александрович Тишков и назвал свое детище в честь своего небесного покровителя. Он же является и бессменным директором Центра по сей день. Еще один важный момент. Стратилат не просто воин, а военачальник. Грамотный человек, способный не только отлично воевать, но и организовывать, вести за собой, принимать решения, брать на себя ответственность. Наш клуб стремится воспитывать ребят именно в этом ключе. Не просто быть спортсменами, но прежде всего, быть достойными людьми и быть в этом мире каким то добрым организующим зерном.

Центр занимается по трем основным направлениям — смешанные единоборства, спортивный и тактический пейнтбол, и туризм. Факультативно ребята получают и навыки первой медицинской помощи, и минимальные навыки промышленного альпинизма и овладевают основами выживания в дикой природе, и многое другое. Центр был основан 15 лет назад как отделение воскресной школы Данилова монастыря в Москве. Сейчас у нас около 15 отделений по Москве и Московской области.

Вы второй тренер сборной «Стратилата» по смешанным единоборствам. Расскажите подробнее о своей работе.

Сборная «Стратилата» это ребята, которые готовы заниматься минимум пять раз в неделю. Они ездят на все сборы и участвуют практически во всех соревнованиях, в которых принимает участие клуб. С гордостью могу сказать, что костяк сборной составляют наши электроуглинцы. Их пока только пять человек — Олег Косолапов, Женя Соколов, Артем Кутырин, Родион Лекомцев, Вика Будякова. Эти ребята уже показывают определенные результаты, как на областных и районных соревнованиях, так и на всероссийских и даже на международных турнирах. Вика даже призер чемпионата мира по универсальному бою.

Главный тренер у нас Роланд Эльбертович Цнобиладзе. В свое время он был очень серьезным спортсменом и даже стоял у истоков развития ушу-саньда в Грузии. Очень хороший человек и опытный тренер. Его ученики сейчас выступают по смешанным единоборствам на очень высоком уровне в нескольких странах. Нам помогают разные люди. После армии я тренировался у Евгения Борисовича Репина, он двухкратный чемпион мира по универсальному бою, мастер спорта международного класса и серебряный призер чемпионата Европы по боевому самбо. Он регулярно участвует в наших сборах. Приглашает к себе в зал. Зовет на соревнования и просто поддерживает добрым словом и советом. Множество дружественных организаций помогают как в тренировочном процессе, так и приглашениями на соревнования. Вообще, надо сказать, чтобы обеспечить работу «нашей сборной», трудится весь центр. Руководство организует сборы и лагеря, благодетели оплачивают поездки... Хочется отметить, что родители наших ребят очень активно себя ведут, они постоянно на связи — советуются и советуют, помогают не только словом, но и делом.

И самое главное — это, конечно, сами «сборники». Есть спортсмены и повыше классом даже в их возрасте. Но вы посмотрите на большинство их сверстников. Хорошие ребята, но... Кто из них способен, добровольно, не из под палки тренироваться с серьезной нагрузкой пять раз в неделю? А наши делают это! В каникулы едут на сборы вместо безделья. А ведь сборы это не сахар — это тренировки три раза в день. И тяжелые тренировки! Один раз в неделю у них кросс восемь километров по лесу. Я с ними уже не бегаю — трудятся сами. Не проверяю, но знаю, что бегают. А младшему из них 13 лет. Страшно горжусь нашими ребятами. В общем, схема моей работы такая — они трудятся, а я горжусь.

С какого времени «Стратилат» работает в Электроуглях? Что удалось сделать? Над чем работаете сейчас?

В Электроуглях дело было так.

Мне позвонил отец Андрей и предложил создать при нашем храме военно-патриотический клуб (я к этому времени уже бредил идеей создания такой организации). Сказал — пора. Хватит дурью маяться, нужно делом заниматься. Отцы Александр и Андрей договорились с руководством ДЮЦа насчет зала. И тут Федор (Тишков) мне и говорит — зачем создавать что-то на голом месте, когда есть уже готовая структура — «Стратилат», давай сделаем отделение. На том и порешили. Отцы дали добро. Все вместе сходили к Юрию Бусову — это мэр, он сказал — буду поддерживать. Прошлись по школам с объявлениями и начали свою деятельность с поездки на Куликово поле, в очередную годовщину Куликовской битвы. Там все играли в пейнтбол, стреляли из лука, меряли доспехи, рубились мягкими мечами. Ночью во время тактической игры все были матерыми спецназовцами и разведчиками, через речки переправлялись, костры жгли, автомат собирали—разбирали. Носились два дня фанатично. В итоге на первой тренировке я был несколько растерян. Народу набежало человек сто. Что с ними делать? Ну, начали заниматься, народ уходил, приходил, кто-то оставался надолго. Потом разделили на группы младшая, старшая — стало попроще. В первый год у нас было постоянного состава 87 человек. Даже отдельная девушка — инструктор Соня Баранова занималась у нас с девушками, другая приходила, учила их из лука стрелять, Антон Лоскутов приносил веревки, лазил с детьми, Инга медицину преподавала по выходным... Потом летние лагеря.

А после лета начались проблемы. Директор ДЮЦа отказал нам в зале, пришли в школу № 30, там тоже проблемы. Ремонт, да и не нуж-

ны мы им. Приютила нас в детском саду на свой страх и риск Елена Колесникова, за что ей огромное спасибо. Но и оттуда нас выселили. Отец Андрей договорился с директором школы № 33, где мы занимались два года. Но и здесь, из-за поклепа, мы лишились места. Но, слава Богу, уже был построен приходской дом, и мы занимаемся там. Сначала на бетоне в пыли, но с Рождества дети будут в мягком отличном зале. Мер города подарил нам 72 квадратных метра татами, и еще благодетели соорудили в зале отличный спортивный пол.

Что удалось сделать. Соревнования по различным видам рукопашного боя и борьбы наши ребята выигрывают, не всегда, но уже довольно часто. Во всероссийских и международных турнирах мы участвуем. В пейнтболе успехи есть и различных военно-спортивных состязаниях. За четыре года наши ребята объехали пол-России, и на Кольском полуострове в иглу жили, и на Соловках бывали, и на Урале, и на Кавказе, и на Дону и много где еще. В лагерях несколько человек крестились, в лагерях же большинство причащается.

И еще несколько парней прошли службу в спецназе ВДВ и ВВ, и это наша гордость!

Сейчас сборные по рукопашному бою, пейнтболу и туризму хотим вывести на качественно новый уровень. Высокие результаты сделать стабильными, дать ребятам возможность участвовать в самых серьезных соревнованиях.

А еще хочу их научить книжки читать...

Воспитанник клуба «Стратилат» Дмитрий Лобанов в конце 2011 года Начал служить в элитном подразделении России ЦСН «Витязь». Что нужно для подобной подготовки к службе?

Мне кажется, во первых, желание. Когда я Диме сказал о том, что есть возможность попасть служить именно в это подразделение, он сначала подробно меня об этом расспросил, а на следующую тренировку пришел и говорит — я взял академический отпуск, готов идти служить, какие дальнейшие действия? То есть просто вот так взял и пошел. Он был готов к этому внутренне. Он говорит, что всю жизнь мечтал очслужбе в спецназе. Да это и видно было невооруженным глазом. На тренировках по тактике всегда внимателен, в лесу всегда первый, что надо сделать, делает, всегда просит какое-нибудь задание. На сборах был, на Кавказе, там экзамен на право ношения тельняшки сдал. Тренировался всегда серьезно, не было такого чтоб дал себе слабину, вникал во все вопросы. Физическая подготовка у него отличная. Но самое главное, на мой взгляд, это мироощущение. Я ему говорил: «Дима, служить идти «для себя» — это абсурд. Армия ничего не дает, в армию идут отдавать. Служить Родине. А в спецназе это в разы тяжелее, чем в других местах. Они всегда на острие, им поручают то, с чем не справится никто, кроме них. Поэтому и методы подготовки очень суровые. Если ты боевая единица, ты должен быть готов «на все сто».

Послужив немного, Дима рассказывал, что всегда есть возможность уйти из отряда. Это тоже очень серьезная проверка характера. Взять и прекратить над собой издеваться. Написать заявление и просто перевестись в спокойную часть. Дослужить свой срок спокойно, без запредельных нагрузок и других жестоких испытаний. И никто тебе не имеет права сказать ничего, потому что они не знают, каково тебе пришлось. Но ты должен сам для себя решать, кто ты. На своем ли ты месте. Многие... большинство «срочников» переводятся из отряда. А Дима выбрал для себя службу. И меня прямо так распирает гордость за нашего парня.

Мальчишки, приходящие в «Стратилат» — разные. Есть то, что их объединяет? (подробнее, если можно)

Вот что тут можно подробнее сказать? Действительно разные, из разных семей. Есть дети православных родителей, есть дети обеспеченных родителей, или, наоборот, алкоголиков и уголовников, но основная масса — это обычные школьники. Часто родители приводят ребят с какими-то проблемами. Говорят: «У меня сложный ребенок, обратите внимание, неуправляемый» и так далее. Смотришь — нормальный парень. Бывает и наоборот, «наш самый лучший». А он как раз не блещет и обращает на себя чересчур много внимания. Из этого вывод — тренер воспринимает ребенка совсем не так, как родители.

Интересные или смешные случаи из вашей работы в «Стратилате».

Да много всего было. Наверное, лучше у ребят спросить. Мне вот запомнился случай, как один мальчик спел гимн Москвы. Мы были в Хибинах на Кольском полуострове. Это было в марте. Самый тяжелый поход, наверное, из тех, в которых я бывал. Снег кругом, ветер постоянный и очень сильный, такой, что слышишь голос человека, который в двух метрах, а его не видишь. Холодно постоянно. Мы спали то в палатке, то в иглу, которые сами строили. На лыжах ходили на перевал Рамзя, на Перевал географов. В общем, промерзли все основательно и одичали порядком. И тут, стоя на горе, в снегу, под ветром, один парень стал ныть и перечислять, как же хорошо в Москве. Тепло, есть дают вкусно, свет электрический, никто никуда не заставляет идти, ничего строить не надо, ничего таскать, все за тобой ухаживают, телеви-и-и-зор и так далее. А потом, ни с того ни с сего прижал правую руку к сердцу и как заорет — «Я ПО СВЕТУ НЕМАЛО ХАЖИВАЛ, ЖИЛ В ЗЕМЛЯНКАХ,

В ОКОПАХ, В ТАЙГЕееее!...» И так, пока всю песню целиком не спел. Может, когда я описываю и не смешно получается. А в жизни мы с ребятами, когда вспоминаем, всегда смеемся.

У вас растет сын. Каким бы вы его хотели видеть в будущем?

Хорошим, полезным Родине человеком... это мой отец так говорил.

Я с ним согласен, но хочу добавить — хочу чтобы мои дети были цельными людьми, знали почему надо быть хорошим. Крепко и искренне верили, не были бы лицемерами. Это самое главное.

А еще конечно хотелось бы, что бы они были развитыми людьми, не закапывали таланты, а приумножали их.

Ну со спортом желательно чтобы дружили, с трудом и искусством, и очень важно чтобы хорошие книги в детстве читали в большом количестве. Но дочка, слава Богу, читает. Хоть в этом отношении я за нее спокоен. А сыну еще предстоит эту любовь привить.

ДЕТИ

ШАЛАШ

Рубрику представляет журнал для настоящих пап

«Батя» rusbatya.ru

Юрий Лунин, Электросталь

Кирилл не стал дожидаться лифта, пролетел по ступеням девять этажей, вылетел на улицу и сразу поглядел по сторонам. Неужели Даши нет во дворе? А вдруг она уже уехала в лагерь на все лето? Мама ведь каждый год ее туда отправляет.

Но тут он услышал радостный лай: высунув розовый язык, к нему бежал Тобик — черная лохматая собака Даши. Значит, и сама Даша где-то рядом.

— Веди меня, Тобик, веди, — велел Кирилл собаке, и пес деловито побежал трусцой в дальний угол двора, где росли акации. «И как он только не бьется головой о столбы? — весело думал Кирилл. — У него ведь и глаз-то не видно за шерстью».

Даша, светловолосая девочка в джинсовом комбинезоне, сидела одна на скамейке в тени акаций и чертила палочкой по земле — играла сама с собой в крестики-нолики.

— Привет, — сказал Кирилл. — Ну, и кто выиграл?

— Нолики, — тихо ответила Даша. — Привет.

— Наверно, опять скоро поедешь в свой лагерь?

— Да, завтра утром мама повезет меня на поезд. Так неохота.

— Почему? Там ведь море.

— Я там всегда скучаю по маме, по Тобику, и поэтому подружиться ни с кем не успеваю. Я очень стеснительная. Но мне полезно бывать на море.

— А помнишь, — спросил Кирилл, — мы хотели построить за домом шалаш, но меня папа не пустил?

— Помню.

— Сегодня пустил. Пойдем?

— Пойдем. А успеем?

— Успеем. Шалаш быстро делается.

И они, взявшись за руки, пошли за дом, где была поляна.

На траве валялось много разного: доски, палки, картонные коробки и другие оставленные людьми вещи. Из них надо было до темноты построить шалаш, чтобы еще и успеть в нем пожить. Ведь завтра Даша уезжает в лагерь на целое лето, а до ее приезда кто-нибудь обязательно разрушит шалаш.

Кирилл принес откуда-то большую лыжную палку.

— Главное — поставить что-нибудь прочное в середину, — сказал он с таким видом, будто строил не первый, а сто первый шалаш в своей жизни.

Он воткнул палку в землю, глубоко, как только смог, и стал прислонять к ней доски и картонные коробки. Когда он брал какую-нибудь доску, Тобик вцеплялся в нее зубами, думая, что с ним играют. Ребята смеялись над ним.

Даша предложила Кириллу помощь, но Кирилл важно проговорил:

— Дом должен строить мужчина. Ты лучше отвлекай Тобика и разговаривай со мной, чтобы мне было веселее работать.

И он продолжал строить. Наконец, все доски и коробки на поляне кончились, и Кирилл начал бегать по соседним дворам, чтобы найти новые строительные материалы. Убегая, он каждый раз боялся, что вернется, — а Даши уже нет. Но когда он возвращался с новой доской, то уже издали видел девочку и ее верную собаку. Это его сразу успокаивало, и он верил, что успеет достроить шалаш и они с Дашей в нем поживут.

Небо вдалеке стало розоветь. Из-за многоэтажных домов выплыли темно-серые вечерние облака. Тобик лежал на траве и иногда клал зубы, ловя комаров. Кирилл увлекся работой и не замечал, что уже почти стемнело. Даша терпеливо ждала, не торопила его.

Но когда Кирилл убежал за очередной доской, из окна выглянула Дашина мама:

— Доча, давай-ка домой. Завтра рано вставать.

Сердце у Даши забило сильнее. Она выпросила у мамы еще десять минут.

— Слушай, — сказала она Кириллу, когда тот вернулся, — может быть, давай посидим немножко хотя бы в таком недостроенном шалаше? А то уже почти совсем темно.

— Хорошо, сейчас, — ответил Кирилл. — Я только заделаю все дырки целлофаном.

Даша боялась признаться, что ей уже пора уходить. Сейчас снова выглянет мама, и у нее уже не выпросишь десяти минут. От этого девочка чуть не плакала. Даже Тобик приподнялся на траве и заскулил, видя, как она волнуется.

— Почти готово. Еще минут пять — и все, — говорил Кирилл, прилаживая к шалашу целлофан.

Но тут мама снова позвала дочку:

— Даша! Домой! Тебе что, нравится, когда я на тебя кричу?!

— Иду, мамуль, — грустно ответила Даша.

Кирилл перестал работать и обернулся на Дашу. За его спиной стоял уже почти готовый шалаш.

— Так ты что, уже уходишь, что ли?

— Да, — сказала Даша и шмыгнула носом. — Уже слишком поздно. Кирилл, пожалуйста, давай хотя бы полминутки побудем в шалаше, и я побегу.

— Полмину-утки, — сердито передразнил Кирилл. — Полминутки это чепуха. И зачем я вообще строил этот дурацкий шалаш?

— Нет, не дурацкий, он очень красивый. Давай скорее зайдём в него. Пожалуйста. Я завтра уезжаю.

— Даша, мне что, силком тебя домой затаскивать? Кирилл, ей завтра рано вставать! — снова раздался строгий голос мамы.

Кирилл тоже очень хотел хоть секунду побыть в шалаше. Но ведь это так мало! Ему было до слез обидно, что завтра он уже не увидит Дашу, и что последний день перед ее отъездом они провели так глупо. Он посмотрел на свой шалаш с ненавистью, а потом подошел к нему и выдернул из середины лыжную палку.

Шалаш скрипнул и тут же развалился, снова превратившись в груду ненужных предметов. Даша тихо заплакала.

— Кирилл, зачем? Какой был хороший шалашик...

И она побрела домой, ссутулившись и вытирая слезы.

Тобик на секунду остановился около Кирилла, понюхал его руку и задрал вверх свою лохматую голову. Теперь, когда зажглись фонари,

Кирилл смог увидеть глаза пса, блестящие двумя умными звездочками.

Кириллу так хотелось побежать за Дашей и сказать ей, что он будет очень, очень по ней скучать, но вместо этого он крикнул:

— Ну и уезжай в свой лагерь!

Ночью Кирилл плакал. Он мечтал о том, чтобы завтра сразу же настал конец лета и Даша вернулась из лагеря. Тогда он пожмет ей руку, будто ничего и не было, и снова построит шалаш, и они целый день будут в нем жить, делать блины из подорожника и воспитывать Тобика. Но впереди еще было целое лето без Даши.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Координатор выпуска

Михаил Грозовский

Дизайн

Ольга Семенова

Мы ищем авторов, соратников, хотели бы услышать ваше мнение об увиденном. Пишите и звоните без сомнений!

mikhail.grozovski@gmail.com

+7-910 424-90-98